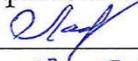

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ
Кафедра общего языкознания

РЕКОМЕНДОВАНО К ЗАЩИТЕ
В ГЭК И ПРОВЕРЕНО НА ОБЪЕМ
ЗАИМСТВОВАНИЯ
Заведующий кафедрой,
д-р филол. наук, профессор
 Н.В. Лабунец
_____ 27.06 2017 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

РУССКАЯ ЛЕКСИКА С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ В
ЧЕШСКОЙ АУДИТОРИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «ВЕЧЕР
НАКАНУНЕ ИВАНА КУПАЛА»)

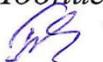
45.04.01 Филология
Магистерская программа
«Русский язык и русская литература для иностранцев»

Выполнила
студентка 2 курса
очной формы обучения

(Подпись)

Волкова Людмила
Анатольевна

Руководитель работы
д-р. филол. наук,
профессор

(Подпись)

Белякова Светлана
Михайловна

Рецензент
канд. филол. наук, доцент

(Подпись)

Кайзер-Данилова Наталья
Викторовна

г. Тюмень, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	2
ГЛАВА I. ЛЕКСИКА С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ	6
1.1. Язык и культура.....	6
1.2. Кумулятивная функция языка. Формирование концепции слова как вместилища знаний	10
1.3. Лексика с национально-культурным компонентом. Объем понятия	16
ГЛАВА II. ЛЕКСИКА С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «ВЕЧЕР НАКАНУНЕ ИВАНА КУПАЛА». СОПОСТАВЛЕНИЕ РУССКОГО И ЧЕШСКОГО ВАРИАНТОВ ТЕКСТА.....	22
2.1. Слова-реалии	23
2.2. Фразеологические единицы	65
2.3. Имена собственные.....	75
2.4. Обращения	79
2.5. Субстандартная и разговорная лексика	82
2.6. Иноязычные вкрапления	86
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	89
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ТАБЛИЦА «ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ “ВЕЧЕР НАКАНУНЕ ИВАНА КУПАЛА”»	93
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. КЛАССИФИКАЦИЯ СЛОВ-РЕАЛИЙ, ПРЕДЛОЖЕННАЯ С. ВЛАХОВЫМ И С. ФЛОРИНЫМ	99
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	103

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о взаимосвязи языка и культуры вырос из осмысления проблемы взаимосвязи языка и мышления, давно волнующей умы исследователей. На протяжении двух столетий ученые в своих трудах показывают, как разные исторические и культурные явления запечатлеваются в народной памяти и находят затем свое выражение в языке. Однако данная тема, несмотря на достаточную разработанность, не перестает быть актуальной и в наши дни. С возникновением интереса к диалогу культур и появлением контрастивных исследований рождается такое научное направление, как лингвострановедение. Данная дисциплина занимается изучением функционирования культурной информации в языке и исследованием способов ее передачи от одной национальной общности к другой. Вопрос передачи культурного и национального содержания приобретает особое место в лингводидактике: изучение национально-специфичной лексики является одним из важнейших направлений в преподавании РКИ (русского языка как иностранного). Тема нашей магистерской диссертации теснейшим образом связана с описываемой выше проблемой. На примере сопоставления русского оригинала и чешского перевода повести Н.В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала» мы рассматриваем функционирование в переводе лексики с национально-культурным компонентом. В наше время, когда русский язык воспринимается не только как предмет обучения, но и как средство формирования толерантных отношений в русско-иноязычной среде, а также как транслятор великой культуры, **актуальность** данного исследования и его социальная значимость представляется нам несомненной.

Объект исследования – лексика с национально-культурным компонентом в русском тексте и его переводе на чешский язык (на материале повести Н.В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала»).

Предмет исследования – функционирование лексики с национально-культурным компонентом в художественном тексте и способы ее перевода.

Целью исследования является выявление специфики функционирования слов с национально-культурным компонентом в чешском переводе. Она реализуется в системе ряда **задач**:

1. Выявление национально-специфической лексики в повести Н.В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала», ее классификация.
2. Изучение особенностей перевода национально-специфической лексики повести на чешский язык.
3. Подготовка культурологического комментария, отражающего сходство и различия в восприятии традиционной славянской культуры русскими и чехами.
4. Подготовка рекомендаций по использованию материала повести Н.В. Гоголя на занятиях по РКИ (в чешской аудитории).

Материалом послужили сто пятнадцать языковых единиц, которые были отнесены нами к словам (или фразеологизмам), содержащим национально-культурно информацию. Они были извлечены из повести Н.В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала» (Гоголь Н.В. Сочинения в двух томах. Т.1. М.: Художественная литература, 1971. С. 38-56). Чешский перевод взят из следующего источника: N.V. Gogol. Večery na samotě u Dikaňky. nakl. Mladá fronta, 1972. S. 41-54. Перевод выполнили Prokop Voskovec и Ervína Moisejnková.

Научная новизна данного исследования заключается в отсутствии в отечественной лингвистике работ, посвященных проблеме функционирования слов с русским и украинским национально-культурным компонентом в чешском переводе текста Н.В. Гоголя.

Основной метод исследования – сравнительно-сопоставительный. Конкретные **методики**, применяемые в работе – компонентный и контекстуальный анализ.

Данное исследование будет способствовать не только расширению представлений о восприятии русского текста в чешской аудитории, но и лучшему пониманию проблем, связанных с переводом так называемой "непереводимой" лексики. Именно знание фоновой информации исходного языка, а также прекрасное владение родным языком являются непременным условием качественного перевода. Кроме того, нужно помнить, что интерпретация образов иностранного текста всегда будет неполной и неточной без учета культурного, исторического, национального, географического и других пластов, которые не выдвигаются на первый план, а являются тем ореолом, который мы именуем здесь "фоновыми знаниями".

Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в преподавании РКИ, в частности, в чешской аудитории.

Структура работы определяется ее целью и задачами. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, приложения №1 и №2 и библиографического списка.

Апробация результатов исследования проводилась на следующих научных мероприятиях: 67-й студенческой научной конференции (ТюмГУ, 21.04.2016), на II Международной научной конференции «Человекознание» (17.09.2016), на III Всероссийской научно-практической конференции «Образование в военно-инженерном деле: теория и практика» (09.12.2016). Отдельные положения работы нашли отражение в следующих научных публикациях:

1. Волкова Л.А. Имя собственное как носитель национально-культурного компонента (на материале сопоставления русского и чешского вариантов текста повести Н.В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала») // Православные истоки русской культуры и словесности (в печати).

2. Волкова Л.А. Иностранное слово в художественном тексте как носитель национально-культурного компонента (на материале сопоставления русского и чешского вариантов текста повести Н.В. Гоголя «Вечер накануне

Ивана Купала») // Гуманитарный трактат: сборник статей II международной научной конференции "Человекознание". Кемерово: ИД "Плутон", 2016. С. 6-8.

3. Волкова Л.А. Субстандартная и разговорная лексика как носители национально-культурной информации (на материале повести Н.В. Гоголя "Вечер накануне Ивана Купала") // Международный журнал гуманитарных и естественных наук №1. Т. 3., Новосибирск: Капитал, 2016. С. 131-135

4. Волкова Л.А. Роль слов-реалий в передаче национально-культурной специфики художественного произведения при переводе (на материале сопоставления русского и чешского вариантов текста повести Н.В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала») // Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции «Образование в военно-инженерном деле: теория и практика» Часть II. Тюмень: ТВВИКУ, 2017. С. 234-240.

5. Волкова Л.А. Роль фразеологических единиц в передаче национально-культурной специфики художественного произведения при переводе (на материале сопоставления русского и чешского вариантов текста повести Н.В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала»).

ГЛАВА I. ЛЕКСИКА С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ

1.1. Язык и культура

Еще в древности люди начали задумываться о том, что слово есть нечто большее, чем определенная комбинация звуков, обозначающая какое-то понятие. Древние философы и ученые полагали, что в слове заключено знание, и по мере развития исследовательской мысли люди обнаружили, что это знание умножается, аккумулируется и что оно имеет не только историческую глубину, но и культурно-национальную. Вопрос взаимосвязи языка и культуры разрабатывался в трудах таких известных ученых, как В. Гумбольдт, А.А. Потебня, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов, Ш. Балли, В. Матезиус, Э. Сепир, Б. Уорф и др., однако данная тема до сих пор остается в поле актуальных проблем гуманитарного знания. Среди современных исследователей специфики взаимосвязи языка и культуры следует назвать В.Н. Телия, В.В. Красных, З.Д. Попову, И.А. Стернина, В.И. Карасик, О.А. Корнилова, В.А. Маслову, Ю.С. Степанова, Н.Д. Арутюнову, В.В. Воробьева, В.Н. Шаклеина, Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова и др.

Сама взаимосвязь языка и культуры неоспорима и в наше время не нуждается в доказательствах. Однако для более глубокого понимания этой связи мы считаем нужным уточнить термин «культура», тем более что данное понятие имеет более двухсот определений только в научной литературе. Так, в своей книге «Введение в лингвокультурологию» В.А. Маслова пишет: «Первоначальное определение культуры в научной литературе принадлежит Э. Тайлору. Американские культурологи А. Кребер и К. Клакхон в своем обзоре, посвященном определениям культуры, писали, что если с 1871 по 1919 годы было дано лишь 7 определений культуры, то с 1920 по 1950 их стало уже 157 (Kroeber..., 1950). Сейчас их, по мнению П.С. Гуревича, уже четырехзначное число (Гуревич, 1994), что свидетельствует не

столько об интересе к явлению, сколько о методологических трудностях современной культурологии» [Маслова 1997, 25]. По мнению ученого, анализ данного понятия усложняется не только большим количеством определений, но и тем, что многие исследователи «возвращаются к анализу этой сущности по несколько раз, не только уточняя данное понятие, но и меняя свои взгляды» [Маслова 1997, 26]. М.С. Каган объясняет такое положение дел следующим образом: «Обращение к итогам изучения культуры приводит к выводу, что здесь происходит нечто, подобное теоретическому исследованию человека и искусства: потому что, если искусство моделирует, иллюзорно воссоздает целостное человеческое бытие, то культура реализует это бытие *именно как человеческое* во всей полноте исторически выработанных им качеств и способностей. Иначе говоря, все, что есть в человеке как *человеке*, предстает в виде *культуры*, и она оказывается *столь же разносторонне-богатой и противоречиво-дополнительностной, как сам человек* – творец культуры и ее главное творение» [Каган 1996, 19-20].

Несмотря на имеющиеся среди ученых разногласия, при определении понятия «культура» используются общепризнанные критерии:

1. Культура является продуктом социальной (а не биологической) деятельности человека.
2. Культура имеет исторический генезис, и с каждым новым поколением она накапливает ценности.
3. Культура имеет важное значение для становления личности человека. Формирование внутреннего мира человека происходит под воздействием норм и ценностей, принятых в определенном социальном коллективе.

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров в своей книге «Язык и культура» выделяют еще один важный аспект в характеристике культуры – «ее объективную неустранимость и, следовательно, невозможность для члена коллектива избежать культурного воздействия этого коллектива» [Верещагин, Костомаров 1990, 24].

Так как наша работа находится в рамках лингвострановедения, то и в определении термина «культура» мы считаем логичным пойти вслед за уже цитированными авторами, являющимися наиболее авторитетными исследователями в данной научной области. Так, под культурой Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров понимают «совокупность материальных и духовных ценностей, накопленных и накапливаемых определенной общностью людей. Культура – это продукт социальной активности человеческих коллективов, она имеет исторический генезис и играет определяющую роль в становлении отдельной человеческой личности» [Верещагин, Костомаров 1990, 24].

Выше уже говорилось о воспитательной и формирующей функции культуры по отношению к человеку. Действительно, с рождения человек обладает рядом генетически обусловленных особенностей – способностью к прямохождению, интеллекту, речи и т.д. Однако реализация данных способностей невозможна без посредства человеческого коллектива (вспомним, например, феномен «маугли»). «Воспитание ребенка проходит через воздействие национальной культуры, носителями которой являются окружающие люди. Этот процесс социализации заключается, говоря упрощенно, в том, что взрослые желали бы видеть будущего члена своего коллектива таким, какими они являются сами, поэтому воспитание – это процесс уподобления. Он состоит в формировании личности ребенка и приспособлении его к жизни в данном обществе, в результате чего ребенок постигает культуру, в рамки которой он поставлен, и научается действовать, не нарушая общепринятых правил поведения» [Верещагин, Костомаров 1990, 25]. Вышесказанное, в свою очередь, невозможно без посредства языка. Именно с помощью языка мы познаем мир, становимся полноправными членами общества, наше развитие происходит благодаря коммуникации с другими людьми. Знакомясь с окружающим миром, мы с рождения постигаем культуру своего народа, и именно благодаря языку и через него становится возможным постижение культур иных национальных общностей,

ведь, как писал И.И. Срезневский, «народ выражает себя всего полнее и вернее в языке своем. Народ и язык один без другого представлен быть не может» [Срезневский 1959, 16-17]. Как видим, культура и язык – понятия взаимообусловленные: каждая культура формирует свой язык, но вне его она существовать не может, т.к. язык является ее основанием.

В связи с возрастанием национально-культурных контактов в XX-XXI веках повышается интерес к диалогу культур, лингвисты начинают уделять большое внимание изучению культурной обусловленности языка, вследствие чего возникает такая дисциплина, как лингвострановедение. Из названия видно, что данное направление родилось на стыке двух сфер научного знания – лингвистики и страноведения, ведь «диалог культур является формой взаимодействия, понимания и оценки предметов культуры, а в качестве медиатора, проводника, посредника, средства, позволяющего придавать интересующее, культурное значение субъективному, индивидуальному опыту, транслировать социально-значимые представления, придавать таким представлениям общезначимый, разделяемый смысл, выступает язык» [Хилько 2010, 78]. Лингвострановедение занимается изучением функционирования культурной информации в языке и исследованием способов ее передачи от одной национальной общности к другой. При этом исследователи сосредотачивают свое внимание на изучении значения слова, т.к. последнее есть отражение жизненных реалий, и поэтому, помимо лексического понятия, в нем наличествует дополнительное фоновое содержание, которое формировалось вместе с нацией, в языке которой функционирует данная лексема. Исходя из этого положения, ученые признают наличие национально-культурного компонента значения слова, т.к. слово является не только эквивалентным знаком какого-то предмета или явления, но и впитывает в себя весь культурный и социальный фон, в котором существует. Таким образом, можно сделать вывод, что основным объектом лингвострановедения является фоновая информация, содержащаяся в семантике слова.

Весомый вклад в изучение фоновый информации внесли советские ученые Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров. Сопоставляя значения слов разных языков, исследователи показали, что постижение другой культуры никогда не будет полным без учета фоновых знаний, ибо эти знания на протяжении нескольких веков впитывались языком определенной нации по мере того, как эта нация формировалась и развивалась ее культура. Концепция слова как вместилища знаний обусловлена кумулятивной функцией языка и подробнее излагается в следующем параграфе.

1.2. Кумулятивная функция языка. Формирование концепции слова как вместилища знаний

Язык – это в первую очередь средство общения и передачи мыслей, поэтому закономерным является тот факт, что коммуникативная функция языка ставится современными лингвистами на первое место. Однако если мы обратимся к истории языкознания, то обнаружим, что язык предстает, прежде всего, как средство познания и, следовательно, главной функцией языка будет функция гносеологическая. Первым, кто заговорил о слове как вместилище знаний, был Гераклит Эфесский (VI – V вв. до н.э.). Правда, его умозаключения носили идеалистический характер, т.к. он считал, что в слове заключено «готовое» знание, посланное людям свыше. Концепцию Гераклита впоследствии развивали стоики, но наибольшего развития она достигла в учении Филона Александрийского (I в. н.э.). Он, как и Гераклит, считает, что язык был дан людям как божественное откровение, следовательно, слово изначально наделено содержанием, в нем сосредоточивается божественная мудрость, знание. Однако в отличие от Гераклита Филон пошел дальше и ввел в учение о логосе совокупность приемов, помогающих это знание извлечь. Таким образом, слово начинает пониматься не только как носитель знания, но и как его источник. В

дальнейшем эта идея разрабатывается Иоанном Богословом, Климентом Александрийским, Афанасием Великим, Августином и обобщается Фомой Аквином. С развитием науки в эпоху Ренессанса и Просвещения меняется мировоззрение людей и осознается материалистическое происхождение языка. Изучение религиозных текстов уходит на второй план, исследователей все больше интересует живая речь. «В ходе интенсивной переводческой и нормирующей деятельности создаются национальные литературные языки. Осознается динамический характер природы языка; в противоположность средневековому универсализму открытие родства языков и зарождение сравнительно-исторического языкознания привело к обоснованию принципа языкового релятивизма. Наконец, энциклопедисты блестяще доказали, что семантика слова может бытьместищем их собственного, личностного (в том числе и богоборческого) знания» [Верещагин, Костомаров 1980, 273]. Мысль о том, что люди сами вмещают в слова знания, стала общепринятой и не вызывала ни у кого сомнения. В этот же период немецкий ученый Фридрих Шлейермахер создает новую процедуру толкования текстов – герменевтику, тем самым закладывая основы лингвострановедческой теории слова. Для адекватного понимания текста, по Шлейермахеру, необходимо обладать знанием тех исторических обстоятельств, в которых этот текст создавался. Так, Шлейермахер писал: «...Любая речь должна пониматься лишь исходя из всей жизни, которой она принадлежит, т.е. так как любая речь постижима только как момент в жизни говорящего и через обусловленность всех его жизненных моментов, а эти последние определяются совокупностью его окружения, его развитием и настоящим существованием, то каждый говорящий постигается лишь через его национальность и его эпоху» [цитата по: Верещагин, Костомаров 1980, 274]. Другими словами, «национальность и эпоха – это такие же составляющие содержания слова и текста, как и собственный внутренний мир конкретного говорящего человека» [Верещагин, Костомаров 1980, 274].

Шлейермахер внес большой вклад в изучение соотношения языка и культуры, однако еще большее влияние на развитие современной филологической мысли оказал основоположник общего языкознания и создатель теории лингвистической относительности Вильгельм фон Гумбольдт. В основе этой теории лежит убеждение, что люди видят и воспринимают мир сквозь призму своего языка. В современной науке данная концепция приобрела огромную популярность за счет деятельности неогумбольдтианцев (Вайсгербер, Сепир, Уорф и др.). Так, американские лингвисты Э. Сепир и Б. Уорф, развивая идеи Гумбольдта, создают собственную гипотезу – гипотезу Сепира-Уорфа, согласно которой «1. Язык обуславливает тип мышления говорящего на нем народа. 2. Способ познания реального мира зависит от того, на каких языках мыслят познающие субъекты. “Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они самоочевидны, напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, которой должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном языковой системой, хранящейся в нашем сознании...” (Уорф, 1960, с. 174)» [Маслова 1997, 35].

Однако необходимо отметить, что в дальнейшем данная гипотеза подверглась резкой критике (Д. Додд, Г.В. Колшанский, Р.М. Уайт, Р.М. Фрумкина, Э. Холленштейн). Так, Б.А. Серебренников утверждает, что «1) источником понятий являются предметы и явления окружающего мира. Любой язык в своем генезисе является результатом отражения человеком окружающего мира, а не представляет самодовлеющей силы, творящей мир; 2) язык приспособлен в значительной степени к особенностям физиологической организации человека, но эти особенности возникли в результате длительного приспособления живого организма к окружающему миру; 3) неодинаковое членение внеязыкового континуума возникает в период первичной номинации. Оно объясняется неодинаковостью

ассоциаций и различиями языкового материала, сохранившегося от прежних эпох (Серебренников, 1983)» [Маслова 1997, 36].

Тем не менее В. Гумбольдт и его последователи внесли огромный вклад в изучение взаимосвязи языка и мышления. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, не соглашаясь с тезисом об абсолютной зависимости мышления от языка, прокламируемым неогумбольдтианцами, вместе с тем отмечают, что «неверно было бы игнорировать роль языка в процессе познания» а также полагать, что язык – «просто индифферентное орудие образования и передачи мыслей». По мнению исследователей, «язык играет... активную роль, воспроизводя логическую мысленную картину действительности, внося в этот исключительно сложный процесс своеобразные коррективы, накладывая на познание свой отпечаток. В сознании появляется, сохраняя свою относительную самостоятельность, наряду с определенной системой мыслей как логической картиной мира, побочная – лингвистическая картина мира, не всегда соответствующая первой, сопутствующая ей. Эта лингвистическая картина мира варьируется от языка к языку. Механизм языкового выражения действительности – важная научная тема, ибо лингвистическое моделирование мира играет свою роль в процессе познания» [Верещагин, Костомаров 1980, 280-281]. Кроме этого, «понятийный образ мира в процессе познания сочетается с вербальным образом мира. В этом сочетании словесный образ предмета и отношений выступает как форма бытия логического отображения, как дополнительный вербальный фон, над которым возвышается логический образ. В итоге язык по-своему преобразует результаты мыслительной деятельности, выдвигает свое осмысление реальности, вносит “поправки” (не всегда правильные) в логическое отображение окружающего нас мира, создает иллюзии, которые, впрочем, легко рассеиваются, ибо словесный образ относителен и вербальное искажение в сознании исправляется понятийным образом» [там же, 283-284].

Многовековые языковые контакты обусловили общность логического мышления людей, о чем свидетельствует наличие универсальных основных

значений в системе любого языка. Однако масштаб нашей планеты, различные условия жизни на разных территориях и другие экстралингвистические факторы послужили причиной образования разных наций со своими уникальными культурами. Все это поликультурное многообразие вылилось во множество уникальных языков, которые впоследствии стали вместилищем культурных знаний. Поэтому даже самые универсальные значения имеют множество культурных оттенков, содержат дополнительную информацию, обладающую национальной спецификой, не говоря уже о словах, отражающих реалии культуры какой-то определенной страны.

Особого внимания в связи с темой нашего исследования заслуживает учение А.А. Потебни о лексической семантике. В своих трудах ученый обосновывает членимость семантики на индивидуальную и социальную, создает концепцию ближайшего и дальнейшего значений слова и, отталкиваясь от этих идей, рассуждает о познавательных возможностях слова. В своей работе «Эстетика и поэтика» А.А. Потебня с разных сторон рассматривает социальную природу знания, хранимого в слове. Так, ученый подчеркивает зависимость понятия от слова («понятие рождается со словом и образуется только через посредство него» [Потебня 1976, 47]), обозначает общественный характер индивидуального мышления («язык есть необходимое условие мысли отдельного лица даже в полном уединении, потому что понятие образуется только посредством слова» [Потебня 1976, 57]). Общественный характер вмещаемого словом знания, по мысли А.А. Потебни, проявляется также в том, что «слово только в устах другого может стать понятным для говорящего» [Потебня 1976, 111] и что «мыслимое нами содержание принадлежит вместе и другому», потому что «в слове человек находит новый для себя мир, не внешний и чуждый его душе, а уже переработанный и ассимилированный душою другого» [Потебня 1976, 141].

Другими словами, А.А. Потебня говорит о том, что человек, как член

этнокультурной общности, благодаря слову наследует накопленный до него опыт.

Выдающиеся советские ученые Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, опираясь на весь предшествующий опыт лингвистической мысли, максимально обобщили его, систематизировали, внесли некоторые коррективы и создали так называемую *континическую концепцию*, или *концепцию лексического фона*. Согласно данной теории, «слово как отдельная языковая единица вмещает в себе и в себя знания о действительности, свойственные как массовому, так и индивидуальному сознанию. Это же высказывание в виде номинативной суммы гласит: слово как вместилище знания» [Верещагин, Костомаров 1980, 192]. Атрибутивное слово «континическая» было самостоятельно образовано авторами с целью удобного обозначения новой концепции: «*Вмещать, заключать* в себя, *охватывать, присоединять* к себе, а в переносном смысле *помнить* полатыни *continere* (от глагола конкретного значения *tenere* держать, удерживать)» [Верещагин, Костомаров 1980, 193].

В своей книге «Лингвострановедческая теория слова» ученые доказывают, что не существует полной межъязыковой эквивалентности, т.к. каждое слово, помимо понятийных семантических долей, включает в себя так называемые фоновые семантические доли. Именно существование таких фоновых семантических долей делает такие слова, как *дом* и *house* неполными эквивалентами: «В самом деле, для англичанина *house* ассоциируется, например, со словом *agent*; *house agent* (в американском варианте *realtor*) – это *who lets, buys or sells houses for others for fee* (человек, который сдает, покупает или продает дома для других за вознаграждение). В «Словаре ассоциативных норм...» (1977), естественно, нет ассоциаций *дом – агент*, равно как кажется странным словосочетание *домовой агент* и тем более *домашний агент*. <...> Из этого вытекает, что часть СД (семантических долей – Л.В.) лексического фона отражает национально-культурную специфику» [Верещагин, Костомаров 1980, 178].

Вышесказанное должно непременно учитываться переводчиком художественной литературы (в данной работе мы будем касаться вопросов именно художественного перевода), т.к. в его задачу входит не только передача содержания произведения, но и отражение его национальной специфики, его национального колорита, без которых невозможно до конца понять смысл художественного текста. Однако концепция лексического фона более актуальна для преподавателей иностранного языка и лингвистов, нежели для переводчика, т.к. передача фоновых СД при переводе – вещь практически неосуществимая. Тем не менее перед переводчиками часто возникает проблема передачи на другой язык «непереводимого», и чаще всего к «непереводимому» относится лексика с национально-культурным компонентом. Очевидно, что для создания качественного перевода необходимо не только мастерское владение языком, но и знание фоновой информации, которая скрывается за его лексическими единицами. Без учета этих знаний перевод получится безжизненной копией, не отражающей и половины сути оригинала. Кроме того, нужно помнить, что «совокупность всех фоновых знаний – культурно-материальных, исторических, географических, прагматических – обуславливает адекватное восприятие мыслей и чувств в тексте (от автора к читателю, слушателю), позволяет наиболее точную интерпретацию образа и его перевод на другой язык» [Брагина 1981, 146-147].

1.3. Лексика с национально-культурным компонентом. Объем понятия

Несмотря на то, что существует большое количество работ, посвященных изучению национально специфичной и культурно окрашенной лексики, в них нет терминологического единства и нет четкого определения того, что собой представляет лексика с национально-культурным компонентом (далее НКК). Отчасти это зависит от того, что данной проблемой занимаются специалисты разных областей и трактуют

соответствующие понятия с учетом специфики своей специальности. В данной главе мы попытаемся осмыслить точки зрения разных ученых и попробуем сформулировать определения понятий, которыми будем оперировать непосредственно в аналитической части нашего исследования.

В лингвострановедческих работах и трудах, посвященных теории и практике перевода, часто встречаются такие термины, как «реалии», «безэквивалентная лексика», «варваризм», «экзотизм», «коннотативная лексика», «лексика с культурным компонентом» и т.д. С. Влахов и С. Флорин в своей книге «Непереводимое в переводе», посвященной главным образом передаче на другой язык слов-реалий, определяют данные термины как разные понятия, но подчеркивают их близость, заключающуюся в передаче национальной окраски, в отсутствии эквивалентов и в некоторых случаях – в иноязычном происхождении. Несмотря на то, что исследователи считают, что все названные выше термины обозначают принципиально разные понятия, они неоднократно подчеркивают зыбкость границ между ними, и, подводя своеобразный итог, авторы предлагают схему «взаимоотношений (и расхождений)» между данными понятиями. «Наиболее широким по своему содержанию является понятие **БЭЛ**... **Реалии** входят, как самостоятельный круг слов¹, в рамки БЭЛ. Отчасти покрывают круг реалий, но, вместе с тем, отчасти выходят за пределы БЭЛ термины, **междометия** и **звукоподражания, экзотизмы, аббревиатуры, обращения, отступления от литературной нормы**; с реалиями соприкасаются **имена собственные и фразеологизмы** (и те, и другие – со множеством оговорок); большинство упомянутых лексем и выражений (исключение составляют главным образом термины) обладают и коннотативными значениями разного рода и различной степени, что позволяет причислить их к **коннотативным словам**. Все в тех

¹ Здесь важно заметить, что авторы в своей книге «Непереводимое в переводе» оговаривают проблему употребления термина «реалия» как термина, обозначающего предмет, материально существующий или существовавший, и как слово («реалия-слово»), при помощи которого такие предметы могут получить свое языковые обличье. Исследователи считают, что термин «реалия» достаточно укрепился в переводоведении в значении «реалия-слово», поэтому в своей книге авторы употребляют термин «реалия» только в значении лексической единицы, а не обозначаемого ею объекта.

же границах БЭЛ значительное место занимают слова, которые мы назвали бы **собственно безэквивалентной лексикой** или **БЭЛ в узком смысле слова** – единицы, не имеющие по тем или иным причинам лексических соответствий в ПЯ (языке перевода – Л.В.) ...» [Влахов, Флорин 1980, 43]. Здесь важно отметить, что авторы, предлагая собственные концепции и иные трактовки некоторых понятий, не претендуют на то, чтобы их разработки вошли в широкий научный оборот – по крайней мере, в дисциплины, не относящиеся к переводоведению.

Интересно, что С. Влахов и С. Флорин сосредоточивают свое внимание на словах-реалиях, считая их «наиболее яркими выразителями колорита». При этом, разделяя понятия «слово-реалия» и «слово с культурным компонентом», они подчеркивают их родо-видовые отношения. Ссылаясь на определение Е.М. Верещагина и Е.М. Костомарова, они пишут следующее: «Совсем коротко остановимся на “словах с культурным компонентом”, обозначающих в лингвострановедении лексические единицы, “своеобразная семантика которых отражает своеобразие нашей культуры”. К ним, наряду с реалиями, названными БЭЛ, точнее, составляющими часть фигурирующих в этой группе единиц, относятся **ф о н о в ы е и к о н н о т а т и в н ы е с л о в а**. С точки зрения перевода эти понятия интересны потому, что, во-первых, они серьезно и целенаправленно сосредотачивают внимание переводчика на внелингвистической стороне значения многих слов, которой часто пренебрегают, и, во-вторых, многие из этих слов либо представляют собой истинные реалии, либо обладают некоторыми чертами, общими с реалиями» [Влахов, Флорин 1980, 38]. Интересна также трактовка данными авторами понятия «коннотация»: «Это добавочное содержание слова, дополнительное к основному смысловому значению, наряду с выражением эмоционально-экспрессивной окраски и тоном торжественности, непринужденности, игривости и т.д. На наш взгляд, в понятии “коннотация” содержится и понятие колорита, тем более что национальная и историческая окраска тесно связана с самыми разнообразными “эмоционально-

экспрессивно-оценочными обертонами», а нередко и обуславливает их. Наиболее типичным для реалий признаком является именно их колорит, и, стало быть, в нашем понимании все они являются в той или иной мере носителями коннотативных значений» [Влахов, Флорин 1980, 38-39].

Учитывая вышесказанное, для нас не представляется важным размежевание таких явлений, как реалии, экзотизмы и т.п., так как, во-первых, между ними нет четких границ и одно может при определенных обстоятельствах переходить в другое, во-вторых, все они обладают определенным национальным колоритом, являются носителями национальной и культурной информации, поэтому в данном исследовании все вышеприведенные термины (за исключением собственно терминологической лексики) мы объединяем понятием «лексика с национально-культурным компонентом», что не противоречит авторитетным научным мнениям.

Теперь обратимся непосредственно к национально-культурному компоненту значения, ведь именно он содержит в себе элементы национальной картины мира, знание и понимание которых необходимо для того, чтобы состоялся межкультурный диалог. В научной литературе «национально-культурный компонент значения» имеет также такие названия, как «лингвокультурема» (В.В. Воробьев), «культурно-понятийный компонент» (Х.А. Джахангири Азар), «национально-маркированный элемент» (В.В. Ощепкова). Что касается самого определения термина «национально-культурный компонент», то мы отказываемся от попытки сформулировать его самим, т.к. считаем удачным определение Н.А. Кохан: «Под термином национально-культурный компонент понимается микрокомпонент значения слова, воплощающий национально-специфические черты материальной и духовной культуры конкретной лингвокультурной общности» [Кохан 2007, 35].

Далее определим, что, собственно, входит в «национально-культурный компонент». Для этого мы представим модель культуры, предложенную

нидерландским социологом Гертом Хофстеде (изложенную в статье Е.П. Хилько). Он предлагает схематически изобразить культуру в виде луковицы, что указывает на наличие поверхностных и глубинных слоев в ее структуре. Согласно схеме Хофстеде, «ядро культуры, а следовательно, и основной элемент культурного компонента составляют ценности. Ценности – это разная для каждого народа иерархия концептов, понятий, предметов материального и нематериального мира» [Хилько 2010, 78]. «Вторая составляющая культуры носит название “Практическое использование” (“Practices”), т.е. то, что связано с функционированием входящих в ее состав компонентов в реальности. Среди них выделяются:

1) символы – разные виды семиотических знаков, таких, как жесты, слова, изображения, предметы, одежда и т.д. Этот слой является поверхностным, так как более всего подвержен изменениям;

2) герои – это реальные и воображаемые персонажи, существующие в определенной культуре, которые оказывают некоторое влияние на модели поведения, закрепленные в ней;

3) обычаи, ритуалы – модели поведения, направленные на достижение определенного результата, являющиеся для каждой культуры социально значимыми и необходимыми.

<...> Таким образом, символы, герои и обычаи образуют видимый слой культуры и, по нашему мнению, могут составлять культурный компонент значения в единицах, в которых культурно значимая информация представлена в денотативном аспекте значения (слова, обозначающие реалии материальной культуры). Что же касается ценностей, составляющих ядро культуры, то они, на наш взгляд, отвечают за формирование культурного компонента значения в единицах, в которых культурно значимая информация выражается в коннотативном аспекте значения (специфические абстрактные концепты). <...> Иными словами, культурный компонент значения может быть представлен как имплицитно, так и эксплицитно» [Хилько 2010, 79].

Разграничение лексики с культурным компонентом в денотате и в коннотате нам кажется закономерным, и мы уже касались этого вопроса, когда говорили о фоновой информации слова. Таким образом, мы будем различать нейтральную лексику (хотя мы уже говорили о том, что не существует полностью эквивалентных слов в разных языках) и лексику с национально-культурным компонентом, где этот компонент выражен эксплицитно (слова-реалии, БЭЛ) и имплицитно (слова с богатым культурно-национальным лексическим фоном). Данными понятиями мы будем оперировать исключительно для удобства, т.к. (и об этом уже было сказано ранее) для нас важна именно культурно-национальная составляющая в значении слова как индикатор культурно-национальной специфичности лингвокультурной общности.

Таким образом, в процессе работы над теоретической главой мы пришли к выводу о том, что язык и культура являются взаимообусловленными явлениями и овладение иностранным языком невозможно без постижения культуры носителей этого языка – и наоборот: нельзя полностью изучить культуру какой-то страны, не имея представления о языке данной национальной общности. Отсюда особую важность приобретают исследования, целью которых является изучение национально-культурной лексики и разработка способов передачи национально-культурной информации от одной этнической общности к другой для устранения межкультурного барьера. Обнаружилось, что даже самые универсальные концепты (*жизнь, смерть, любовь* и т.д.) не могут быть полностью эквивалентными в разных языках и культурах, поэтому девяносто процентов лексики содержит в себе национально-культурный компонент. Однако следует различать слова, где НКК выражен в денотате, и слова, где НКК сосредотачивается в коннотате. Большая часть нашей работы посвящена анализу лексики, где НКК сосредоточен в денотате.

ГЛАВА II. ЛЕКСИКА С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «ВЕЧЕР НАКАНУНЕ ИВАНА КУПАЛА». СОПОСТАВЛЕНИЕ РУССКОГО И ЧЕШСКОГО ВАРИАНТОВ ТЕКСТА

В своей книге «Непереводимое в переводе» исследователи С. Влахов и С. Флорин выделяют несколько групп элементов, перевод которых часто вызывает определенные трудности у переводчика, в частности из-за наличия культурно-национальной составляющей содержания. К таким элементам болгарские ученые относят следующие категории: реалии (т.е. слова-реалии), фразеологические единицы, имена собственные, обращения, звукоподражания и междометия, отклонения от литературной нормы (просторечия, диалект, жаргон, арг, ломаная речь), иноязычные вкрапления, термины, каламбуры, сокращения, внеязыковые элементы. В первой главе нашего исследования мы уже говорили, что все вышеперечисленные понятия могут соотноситься со словами, содержащими национально-культурный компонент, поэтому нам кажется целесообразным воспользоваться данным делением слов на подобные группы для составления собственной классификации, которая позволит оптимально осуществить сопоставление лексики русского и чешского вариантов повести Н.В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала» в рамках данного исследования.

Наша работа не предполагает анализ внеязыковых элементов, поэтому их, а также не содержащиеся в повести термины, каламбуры и сокращения мы исключаем из классификации. Кроме того, понятие «отклонение от литературной нормы» мы заменили более удобным для нас термином «субстандартная лексика» и добавили к данной группе также разговорную лексику, которая не выходит за рамки литературного языка, но тем не менее может нести в себе определенный национальный колорит. Также в данной работе мы не рассматриваем междометия и звукоподражания в силу отсутствия национально-культурной специфики в русских и чешских вариантах, обнаруженных в аутентичном и переведенном текстах повести.

Отметим, что мы вслед за болгарскими учеными будем широко рассматривать термин «фразеологические единицы» и будем включать в данную группу также и другие выразительные средства языка, имеющие образную основу, так как именно система образов «служит своего рода “нишей” для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях» [Телия 1996, 215].

Итак, учитывая все вышесказанное, мы отобрали лексику с национально-культурным компонентом из анализируемого русского текста, нашли соответствия в тексте на чешском языке и зафиксировали результаты в таблице (см. приложение №1). Теперь приступим к более детальному анализу и интерпретации полученных результатов.

2.1. Слова-реалии

Одной из основных переводческих проблем является именно передача национального и исторического колорита, т.к. «вопрос о передаче национального своеобразия подлинника, его особой окраски, связанной с национальной средой, где он создан, относится к числу тех основных проблем теории перевода, от которых зависит и ответ на вопрос о переводимости» [Федоров 1968, 352]. В связи с этим особое внимание в переводоведении уделяется словам-реалиям как основным носителям колорита. Обстоятельнее всего данный вопрос разработан в трудах болгарских ученых С. Влахова и С. Флорина, в частности в книге «Непереводимое в переводе», поэтому кажется логичным воспользоваться предложенным ими определением.

Итак, С. Влахов и С. Флорин называют реалиями «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита,

они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу “на общих основаниях”, требуя особого подхода» [Влахов, Флорин 1980, 47]. Однако болгарские ученые не раз упоминали в своей работе о невозможности дать исчерпывающую дефиницию данному понятию, поэтому они подчеркивают, что «почти каждое слово этого определения нуждается в комментарии (например, “объекты, характерные для жизни народа” столь многообразны, что любое перечисление оказалось бы недостаточным)» [Влахов, Флорин 1980, 47]. Продолжением дефиниции ученые предлагают считать созданную ими классификацию реалий, благодаря которой становится понятно, что реалиями могут быть не только материальные объекты. Отметим, что попытки классифицировать данный пласт лексики уже предпринимались многими учеными, работающими в этой области. Однако наиболее оформленными считаются классификации, предложенные А.Е. Супруном и А.А. Реформатским. Нам, в свою очередь, наиболее полной кажется классификация болгарских ученых (см. приложение №2), т.к. они максимально систематизировали и обобщили опыт своих предшественников.

Важно отметить, что С. Влахов и С. Флорин, создавая данную классификацию, постоянно подчеркивают зыбкость границ выделяемых ими групп, а также условность и схематичность деления. В наши задачи не входит рассмотрение всех негативных и позитивных сторон данной схемы, однако безусловным плюсом нам кажется выделение объектов нематериальной культуры в качестве слов-реалий. Так, для нас, например, кажется очевидной национальная составляющая таких концептов, как Дед Мороз и Санта-Клаус.

Прежде чем приступить к рассмотрению вопросов, связанных со способами передачи слов-реалий при переводе, мы воспользовались предметной классификацией слов-реалий, предлагаемой болгарскими учеными, и распределили встретившиеся нам в оригинале слова-реалии по семантическим группам. Такая предварительная работа поможет лучше

понять, как семантика определяет выбор переводчика в пользу того или иного приема передачи слов-реалий в тексте перевода.

Итак, основную часть встретившихся в повести слов-реалий составляют этнографические реалии (тридцать единиц), из них девятнадцать лексем относится к бытовым реалиям (пища, напитки и т.д.: *каравай, кутья, шишка*; одежда: *жупан, кафтан, кораблик, кунтуш, очипок, свитка*; жилье, мебель, посуда и др. утварь: *макогон, каганец, рушник, хата*; другие: *дрибушки, монисты, нагайка, синдячка, оселедец, чуб*), пять – к категории «искусство и культура» (музыка и танцы: *горлица*; музыкальные инструменты и др.: *бандуры, кобза, сопилка*; мифология: *Яга*), четыре – к этническим объектам (*казак, казачка, казацкий, казаковать*) и две – к категории «меры и деньги» (*вершок, червонцы*). Всего одна реалия вошла в группу «общественно-политические реалии» (учреждения: *шинок*), географических реалий не встретилось вообще. Очевидно, такое количество этнографических реалий обусловлено характером самой повести, где большое внимание уделяется описанию малоросской жизни, быта и малоросских обычаев.

Большое количество слов-реалий может не затруднить восприятие читателем оригинала, т.к. для него они будут понятны, однако перед переводчиком стоит важная и сложная задача сначала распознать реалию, а затем решить, каким способ ее «перевести».

Естественно, что на вопрос, как нужно передавать слова-реалии при переводе, не может быть единственно верного ответа. Существует множество факторов, от которых зависит выбор приема передачи слов-реалий. Делая выбор в пользу транскрипции или перевода, нужно учитывать характер переводимого текста, значимость самой реалии, словообразовательные возможности исходного языка (далее ИЯ) и языка перевода (далее ПЯ), языковую традицию и т.д., но всегда переводчик должен стремиться к тому, чтобы передать то впечатление, которое производит подлинник на своего читателя.

Существует два основных приема передачи слов-реалий – транскрипция и перевод, при этом последний, в свою очередь, имеет свои способы, помогающие воспроизводить слова-реалии в тексте перевода. Об этих способах, а также об особенностях каждого из приемов мы будем говорить по ходу всей работы.

Обратимся теперь к переводу повести Н.В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала» на чешский язык и проанализируем встретившиеся нам слова-реалии.

В чешском варианте повести мы встречаем следующие затранскрибированные слова-реалии: *бандуры* – *bandury*, *кобза* – *kobza*, *козак* – *kozák*, *козаковать* – *kozakovat*, *козацкий* – *kozácký*, *нагайка* – *nahajka*, *Яга* – *Jaga*.

Небольшое количество затранскрибированных слов-реалий вполне оправданно, ведь необходимо помнить, что транскрибируются обычно хорошо известные, интернациональные реалии, а также реалии, которые в подлиннике имеют важное смысловое значение. В противном случае транскрипция может неоправданно затруднить читательское восприятие перевода. Перейдем к разбору затранскрибированных слов, чтобы понять, руководствовались ли чешские переводчики данными соображениями при передаче слов-реалий. Разбор будет осуществляться по возможности в алфавитном порядке.

Слово *бандура* встречается в тексте два раза и оба раза транскрибируется:

«Поляку дали под нос дулю, да и заварили свадьбу: напекли шишек, нашили рушников и хусток, выкатили бочку горелки; посадили за стол молодых; разрезали коровай; брякнули в бандуры, цимбалы, сопилки, кобзы – и пошла потеха...» [Гоголь 1966, 47].

«Nebylo proč otálet, dali Polákovi košem a vystrojili svatbu: napekli koláčů, našili plachetek a šátků, vyvalili soudek pálenky; posadili mladé ke stolu, rozkrojili

svatební pecen; bandury, kobzy a cimbály zadrnčely, písť'aly zahudly – a jedli, pili a veselí byli...» [Gogol 1972, 50].

«С бандурою в руках, потягивая люльку и вместе припевая, с чаркою на голове, пустился старичина, при громком крике гуляк, вприсядку» [Гоголь 1966, 48].

«Dědouš měl v rukou banduru, bafal z dýmky a zároveň si prozpěvoval, ale tu si ještě postavil na hlavu džbánek a za výskotu rozjařených svatebčanů se pustil do odzemku» [Gogol 1972, 51].

Первый контекст так или иначе намекает на значение слова-реалии *бандура*, однако для полной ясности обратимся к словарю. Согласно Большому энциклопедическому словарю (далее БЭС), *бандура* – «украинский музыкальный инструмент» [БЭС, <http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc3p/>]. Такое же значение наблюдается в русско-чешском онлайн-словаре «Rusko-česká slovníková databáze» (далее RČS) и в толковом чешском онлайн-словаре «Příruční slovník jazyka českého» (далее PSČ): «бандур||а, -ы ž bandura *ukrajinský strunový nástroj*» [RČS, <http://slovník.slu.cas.cz/slovník/main/Main.html>] и «bandura, -y f. *druh hudebních strunových nástrojů u Ukrajinců*» [PSČ, <http://bara.ujc.cas.cz/psjc/search.php>].

К сожалению, наиболее полный чешско-русский словарь под редакцией Л.В. Копецкого, Й. Филипца и О. Лешки не содержит данной лексемы. Однако приведенные выше выдержки из разных словарей свидетельствуют о статусе реалии слова *бандура* (указание на место бытования) и о том, что данная реалия известна языку перевода. Кроме того, в приведенных цитатах наличествуют и другие слова-реалии, что свидетельствует о насыщенности данного фрагмента текста с точки зрения национального и культурного колорита. Представленные контексты относятся к той части повести, где описывается малоросская свадьба, исторический быт украинцев, не современный даже для Н.В. Гоголя. Таким образом, слова-реалии здесь являются не только национальными, но и

историческими, что очевидно, например, для русского читателя, так как значение некоторых из них непонятно без толкового словаря.

Итак, колорит приведенных текстовых фрагментов очевиден и его необходимо передать, но из-за обилия слов-реалий в одном отрезке текста транскрипция каждого из них не представляется возможной. Поэтому переводчики ограничились намеком на национальный колорит, затранскрибировав лишь несколько слов-реалий, по-видимому, хорошо известных в чешском языке. Помимо *бандуры*, затранскрибированным оказалось еще одно слово, обозначающее национальный музыкальный инструмент – *кобза* (*kobza*). В транскрипции даны и *цимбалы* (*cimbály*), но у этого инструмента нет национальной окраски; *сопилки* (русс. *сопель*) переданы функциональным аналогом (подробно о таком способе передачи реалий речь будет идти ниже).

Что касается *кобзы*, то нужно отметить, что во всех доступных нам словарях отмечается национальная принадлежность данного инструмента.

Так, в БЭС читаем: «кобза – старинный лютневидный струнный щипковый музыкальный инструмент, бытовавший, очевидно, в Вост. Украине» [БЭС, <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/>]. В русско-чешском онлайн-словаре «кобз||а, -ы ž *kobza ukrajinský strunný nástroj* [RČS, <http://slovník.slu.cas.cz/slovník/main/Main.html>]. В толковом чешском онлайн-словаре «*kobza, -y f. hud. druh ukrajinských strunových nástrojů*» [PŠČ, <http://bara.ujc.cas.cz/psjc/search.php>]. В словаре под редакцией Л.В. Копецкого данное слово отсутствует.

Подводя небольшой итог, заметим, что перевод данного фрагмента текста выполнен, на наш взгляд, вполне адекватно. Для приведенного выше контекста не важно, сколько струн у бандуры или кобзы, все эти музыкальные тонкости не должны волновать читателя, ведь они не несут никакой содержательной нагрузки, зато *бандура*, *кобза* и *сопилка* являются неотъемлемой национально-культурной составляющей данной повести. Кроме того, важно учитывать, что для русского читателя, тем более

современного, данные слова тоже являются реалиями, и их восприятие происходит особым образом. С учетом вышесказанного заключим, что введение чешскими переводчиками транскрипции для обозначения колорита является оправданным, несмотря на то, что данные реалии не являются содержательно значимыми для текста. Более важным является то, что транскрипция здесь ощущается как вполне безболезненное явление, ведь чешский читатель легко догадается, что речь идет о музыкальных инструментах, потому что содержание слов-реалий подсказано контекстом и однородными членами, среди которых знакомые слова *cimbály* и функциональный аналог *píšťala*. Таким образом, переводчики одновременно сохранили колорит и содержание слов-реалий, что удается довольно редко.

Музыкальные реалии встречаются еще в одном текстовом эпизоде, прямо противоположном предыдущему. Пидорка, разлученная со своим любимым, просит своего брата Ивася передать Петру, что ее выдают замуж за поляка:

«Скажи ему, что и свадьбу готовят, только не будет музыки на нашей свадьбе: будут дьяки петь вместо кобз и сопилек» [Гоголь 1966, 43].

«Místo bandur a píšťal budou zpívat d'áčkové» [Gogol 1972, 46].

Сопилка здесь также заменена функциональным аналогом, однако *кобза* передана другой реалией (*bandura*), что является недопустимой ошибкой с точки зрения теории перевода. Интересно, что в другом контексте *кобза* дается в транскрипции. Нам остается только предположить, что *bandura* является более употребительной реалией, а следовательно, и более знакомой. Кроме того, данные лексемы (*кобза* и *сопилка*) нужны скорее для обозначения контраста (свадьба противопоставляется похоронам), чем для придания колорита, поэтому мы не видим здесь грубой ошибки со стороны чешских переводчиков, ведь впечатление, и это самое важное, передано верно.

Теперь рассмотрим сразу несколько реалий, объединенных одним корнем: *козак* – *kozák*, *козаковать* – *kozakovat*, *козацкий* – *kozácký* (далее, за

исключением цитат из повести Н.В. Гоголя, слово *казак*, согласно правилам орфографии современного русского языка, будет везде писаться через букву *a* – Л.В.). На протяжении всей повести корень *казак* (с учетом чередования) используется в тринадцати случаях, двенадцать из которых в переводе переданы с помощью транскрипции, а в последнем случае – с помощью описательного перевода, что можно считать исключением, так как наличие реалии *казак* в большинстве иностранных переводных словарях (анг. *Cossack*, нем. *Kosak*, франц. *cosaque*) свидетельствует об ее интернациональном характере, соответственно, данное слово во всех языках будет даваться по традиции в транскрипции. Очевидно, что реалия *казак* стала словарной в связи с важностью роли ее референта в мировой истории. Наблюдается данное слово и в чешско-русском словаре под редакцией Л.В. Копецкого: «*koz||ák, -áka m казак*» [Чешско-русский словарь 1976, т. 1, 315]. В этом словаре также зафиксированы лексемы *казацкий* и *казачка*, однако в тексте встречается и глагол с таким же корнем – *казаковать*, который мы с трудом обнаружили только в двух русских толковых словарях, которые и процитировали ниже:

«ПОКАЗАКОВАТЬ, показачить, казаковать несколько времени, понаездничать» [Толковый словарь Даля, <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/>].

«КАЗАКОВАТЬ, казакую, казакуешь, несовер. (обл. устар.). Быть казаком (см. казак), заниматься казацким делом» [Толковый словарь Ушакова, <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/>].

Данного слова нет и в толковом словаре чешского языка. Однако глагол *казаковать* в тексте также представлен в виде транскрипции. Отсутствие разъясняющей сноски дает нам основание полагать, что переводчики были уверены, что чешский читатель сможет понять смысл незнакомого глагола благодаря контексту и уже известному корню, ведь само слово создано по аналогичной словообразовательной модели глаголов на –*ovat* в чешском языке (*pracovat*, например).

Итак, мы обнаружили реалию *казак* в чешско-русском словаре под редакцией Л.В. Копецкого, однако для нас важно не только наличие данной лексемы в переводном словаре, но и ее толкование, поэтому обратимся к русским и чешским толковым словарям для верификации значения.

В толковом словаре Ожегова представлены следующие определения слова *казак*: «1. В старину на Украине и в России: член военно-земледельческой общины вольных поселенцев на окраинах государства. <...> 2. На Дону, на Кубани, Тереке, Амуре и в других войсковых областях: крестьянин, потомок таких поселенцев, а также (до 1920 г. и в годы Великой Отечественной войны) боец кавалерийской воинской части, состоящей из этих крестьян; сейчас потомок таких крестьян, бойцов» [Толковый словарь Ожегова, <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/>].

В чешском толковом онлайн-словаре также имеется несколько значений слова *kozák*: «1. *voják ruské jízdy, vybíraný z obyvatelů jihovýchodního Ruska* (солдат русской кавалерии, призванный из юго-восточной части России – Л.В.). <...> **D** *zkušený, honěný, ostrílený člověk* (опытный человек, стреляный воробей – Л.В.). <...> **D** *druh ruského národního tance ve dvoučtvrtečním taktu* (вид русского народного танца – Л.В.). <...> 2. *pasák koz* (тот, кто пасет коз – Л.В.) [PSČ, <http://bara.ujc.cas.cz/psjc/search.php>].

Очевидно, что значения, данные в русском и чешском толковых словарях, не совпадают. Так, в чешском толковом словаре не указано одно из главных значений, реализующихся в самой повести: казак – человек, проживающий на определенной территории (на Дону, Кубани, Тереке и т.д.). По всей вероятности, и об этом уже было сказано ранее, слово *казак* превратилось в интернациональную реалию в связи с военной деятельностью данной группы населения, которая формировалась преимущественно из военно-служивого сословия. Однако в случае с казаками дело обстоит гораздо сложнее, ведь до сих пор нет единой точки зрения на статус людей, составляющих эту группу. Некоторые считают, что казачество является историческим сословием (или специфической социокультурной группой) в

составе славянских народов. Л.Н. Гумилев высказывал предположение о том, что казаки – это субэтнос в составе русского народа. Тем не менее нас интересует не столько вопрос об этносоциальной идентификации данной группы, сколько их образ жизни, который, конечно, состоял не только из военной деятельности. В повести Н.В. Гоголя казаки представлены, скорее, как члены определенного этноса, чем люди, занимающиеся военным делом. Иными словами, в чешском переводе лексемы с корнем *казак*, должны восприниматься именно как маркеры определенной культуры и передавать культурно-национальный колорит. Кроме того, возвращаясь назад, необходимо отметить многозначность слова *kozák* в чешском языке, что может существенно сказаться на восприятии текста. Как известно, читатель, воспринимая тот или иной текст, в частности, ту или иную лексему, автоматически учитывает все имеющиеся у нее смыслы, что, в свою очередь, влияет на интерпретацию произведения. Конечно, сложно судить о положении реалии *казак* в чешском языке, основываясь лишь на данных одного доступного нам толкового онлайн-словаря, но, говоря о лексеме *казак*, мы не привели данные, полученные из чешско-русского онлайн-словаря, где также дается небольшое разъяснение значения переводимых слов и где зафиксировано значение, отсутствующее в уже цитировавшемся нами толковом чешском словаре:

«казак, -a *m* 1. *kozák obyvatel kozáckých oblastí* <...>.

2. *kozák voják zvláštní ruské jízdy* [RČS, <http://slovník.slu.cas.cz/slovník/main/Main.html>].

Таким образом, мы можем предположить, что чешский читатель все-таки воспринимает лексему *казак* в том значении, в котором она употребляется в оригинальном тексте.

Нагайка (чеш. *nahajka*) – слово-реалия, без которой, пожалуй, нельзя было бы обойтись при описании быта казака. Данная лексема встречается в тексте два раза в одном микроконтексте. После того, как Терентий Корж застал свою дочь с Петром, его охватила ярость:

«Очнувшись, снял он (Корж – Л.В.) со стены дедовскую нагайку и уже хотел было покропить ею спину бедного Петра, как откуда ни возьмись шестилетний брат Пидоркин, Ивась, прибежал и в испуге схватил ручонками его за ноги, закричав: «Тятя, тятя! не бей Петруся!» Что прикажешь делать? у отца сердце не каменное: повесивши нагайку на стену, вывел он его потихоньку из хаты...» [Гоголь 1966, 43].

«Když se vzpamatoval, sundal zdi nahajku po dědovi a už chtěl chudáku Petrovi požehnat hřbet, vtom ale kde se vzal tu se vzal přiběhl šestiletý Pidérčin bratr Ivas, ulekaně chtil starího ručkama kolem nohou a dal se do kříku: “Táto, táto, nebij Petra!” Co měl, prosím vás, dělat? Otcovské srdce není z kamene; tak zas pověsil nahajku na hřebík a beze slova vyvedl Petra ven...» [Gogol 1972, 46].

Из контекста понятно, что нагайка используется здесь не по прямому назначению (инструмент для управления лошадью), следовательно, возникает вопрос: зачем транскрибировать? Обратимся к словарям для прояснения ситуации. Для начала выясним, что такое *нагайка*.

Согласно словарю Даля, нагайка – это «татарская плеть, камчук; короткая, толстая, круглая, ременная плеть, без спуска, в одну толщину, употр. у казаков и у всех горских, татарских и монгольских племен. Есть нагайки с ножом, в черене; нагайки со шлепком, чтобы смягчить удар, и с пулькою, которой бьют волков с коня» [Толковый словарь Даля, <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/>].

Словари Ушакова и Ожегова предлагают следующее: «НАГÁЙКА, нагайки, жен. Короткая и тяжелая плеть из ремней. *Казацкая нагайка*. (первонач. ногайская, т.е. татарская, плеть.)» [Толковый словарь Ушакова, <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/867534>]. «НАГÁЙКА, -и, жен. Короткая ременная плеть. *Казачья н.*» [Толковый словарь Ожегова, <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/>].

В «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» говорится, что «нагайка, или ногайка – первоначально плеть нагайских татар, от которых ее

заимствовали запорожские и прочие казаки» [Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/].

Как можно заметить, во всех словарях, за исключением словаря Ожегова, есть указание на то, что слово *нагайка* является татарской реалией, однако умолчание об этом в словаре Ожегова свидетельствует о том, что лексема *нагайка* интегрировалась в систему русского языка и русской культуры, как бы «обрусела». На этот факт обращает внимание также и наличие таких примеров в словаре, как *казацкая нагайка*, *казацья нагайка*. Кроме этого, примечательно толкование этой лексемы в чешском толковом онлайн-словаре: «*naňajka*, -y f. *karabáč*, *důtky*, *obyč. ruské*» [PŠČ, <http://bara.ujc.cas.cz/psjc/search.php>]. Здесь *нагайка* объясняется через синонимы с пометой *рус.* Интересно, что в словаре под редакцией Л.В. Копецкого данная лексема отсутствует.

Ранее мы задали себе вопрос: зачем транскрибировать слово, обозначающее реалию, когда можно было безболезненно его перевести? Как кажется, в связи с древними и тесными контактами татар и русских, *нагайка* была заимствована последними давно. Согласно этимологическому словарю М. Фасмера, данное слово из русского перешло в польский, а затем и в чешский язык. Мы можем предположить, что и в чешский язык данная лексема пришла давно, поэтому слово опять же транскрибируется по традиции.

Известно, что Н.В. Гоголь часто обращался как к украинскому, так и к русскому фольклору, который использовал затем в своих повестях. Сюжет о папоротнике, положенный в основу повести «Вечер накануне Ивана Купала», также восходит к народным преданиям. *Баба Яга* – один из персонажей повести – является, пожалуй, наиболее известной славянской мифологической реалией. Согласно этимологическому словарю Макса Фасмера, в чешском языке Бабе Яге соответствует *jezinka* (лесная злая фея²),

² Чешско-русский словарь / под ред. Л.В. Копецкого. В двух томах. М.: Государственное педагогическое издательство, 1976. С. 266.

однако в переводе повести Н.В. Гоголя на чешский язык данная лексема передана с помощью транскрипции *Jaga*. За неимением более авторитетных источников на чешском языке нам пришлось обратиться к чешской Википедии. Интересно, что в свободной чешской энциклопедии нет статьи, посвященной *Jezinke*, но есть материал не тему «*Ježibaba či baba Jaga*», где большое внимание уделяется описанию именно русской Бабы Яги и несколько слов говорится о Бабе Яге в представлении западных славян. В чешских преданиях Баба Яга живет в пещерах, усыпляет людей, а затем выкалывает им глаза. В остальном чешская *Ježibaba* мало отличается от русской. В чешско-русском словаре под редакцией Л.В. Копецкого наличествуют обе лексемы (*Ježibaba* и *baba Jaga*), в нем также зафиксировано слово *jezinka*, однако перевод данного слова (лесная злая фея) лишь отчасти согласуется с образом Бабы Яги. Для того, чтобы понять, какое из названий Бабы Яги употребительнее в чешском языке, мы обратились к Национальному корпусу чешского языка (*Český národní korpus*) и обнаружили, что *baba Jaga* встречается значительно чаще лексемы *Ježibaba*. Однако мы также полагаем, что обращение к транскрипции в переводе носит и более рациональный характер.

«*Насилу воротилась, яга!*» [Гоголь 1966, 45].

«*Konečně ses vrátila, jago!*» [Gogol 1972, 48].

Из приведенных выше цитат видно, что в данном фрагменте текста было уместнее употребить лексему *jago*, так как *Ježibaba* не соответствовало бы оригиналу стилистически.

Ранее мы задали себе установку: проследить, насколько чешские переводчики ответственно подошли к передаче слов-реалий с помощью транскрипции, т.к. злоупотребление данным приемом может нанести переводу большой урон и лишить его художественных достоинств, присущих оригиналу. Стоит отметить, что в переводе мы не обнаружили ни одного случая неуместной транскрипции. Чаще всего транскрибировались те слова, которые уже знакомы чешскому читателю в связи со своим

интернациональным характером (*kozák, kozácký, Jaga*), а также те слова, смысл которых был понятен из контекста (*bandury, kobza*). Благодаря такому осмысленному подходу к переводу, содержание текста не только не пострадало, но и выиграло за счет сохранения национального и исторического колорита.

Выше уже говорилось, что существует два основных приема передачи слов-реалий – транскрипция и перевод. Последним переводчики пользуются в случае, если транскрипция по каким-либо причинам является нежелательной.

Перевод объединяет несколько способов передачи слов-реалий, первый из которых – **введение неологизма**. По мнению С. Влахова и С. Флорина, данный метод «по-видимому, наиболее подходящий после транскрипции путь сохранения содержания и колорита переводимой реалии: путем создания нового слова (или словосочетания) иногда удается добиться почти такого же эффекта» [Влахов, Флорин 1980, 88].

Таковыми новыми словами авторы считают в первую очередь **кальки** и **полукальки**, а также **освоение** и **семантический неологизм**. Из перечисленных приемов в переводе повести Н.В. Гоголя было обнаружено только освоение. Нужно сказать, что введение неологизма переводчиком как особого приема является непопулярным, причина же такой непопулярности достаточно проста: язык создается народом, а не отдельным человеком. Но, как было сказано выше, в тексте перевода наличествует освоение. «Освоением, – пишут Влахов и Флорин, – мы называем адаптацию иноязычной реалии, т.е. придание ей на основе иноязычного материала, обличия родного слова». Однако при освоении «реалия не только меняет свою форму, но обычно теряет и часть семантического содержания» [Влахов, Флорин 1980, 89].

Проанализировав имеющиеся слова-реалии, мы пришли к выводу, что лексема *шинок*, часто употребляемая в тексте, в пяти случаях из семи является освоением (*шинок – šenkovna*).

Анализируя слово *шинок*, мы столкнулись с рядом трудностей. По данным некоторых словарей («Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова», «Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка А.Н. Чудинова», «Этимологический словарь русского языка Н.М. Шанского и Т.А. Бобровой» и др.), указанное слово было заимствовано нами из польского, в польский же эта лексема пришла из немецкого. Нам не удалось найти сведения о том, как слово *šenkovna* появилось в чешском языке, но можно предположить, что оно пришло туда напрямую из немецкого, так как Чехия долгое время испытывала зависимость от немецких колонизаторов и входила в состав Австро-Венгрии. Кроме того, при сравнении немецкого слова *schenke* и чешского *šenkovna* наблюдается больше сходства, чем между русским и чешским вариантами. Поэтому можно предположить, что скорее всего это заимствование из немецкого, приобретшее морфологический облик языка-реципиента. Но с другой стороны, ряд словарей («Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова», «Словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке М. Попова», «Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка Ф. Павленкова» и др.) данное слово – *шинок* – дают с пометой *малоросское*, что и наводит нас на мысль о статусе реалии данной лексемы. К сожалению, у нас нет возможности обратиться к этимологическому чешскому словарю и проверить, откуда данное слово появилось в чешском языке.

Доступные нам чешские словари также не проясняют вопрос о статусе лексемы *šenkovna*. В чешско-русском словаре под редакцией Л.В. Копецкого слово *šenkovna* переводится как *шинок* и снабжается пометами *устаревшее*, *просторечное* [Чешско-русский словарь 1976, т. 2, 399]. Толковый чешский словарь, объясняя слово *šenkovna*, не дает никаких оснований полагать, что данная лексема является реалией: «*šenkovna*, -y f. lid. místnost, kde se čerují lihové nápoje, nálevna, výčep» [PSC, <http://bara.ujc.cas.cz/psjc/search.php>]. Тем не менее чешско-русский онлайн словарь дает нам следующее пояснение: «шин||ок, -ка *m zast. krčma ž, ob. šenk zprav. v jižním Rusku a na Ukrajině* (как

правило, в южной части России и на Украине – Л.В.)» [RČS, <http://slovník.slu.cas.cz/slovník/main/Main.html>].

Как было сказано ранее, *šenkovna* является освоением, что может объяснить сложившуюся ситуацию. В данном случае термин говорит сам за себя: слово полностью осваивается в языке-реципиенте и воспринимается как свое. Таким образом, переводчики не ставили себе задачу передачи чужой реалии, и наличие в некоторых местах перевода повести функционального аналога *hospoda (трактир)* является лишь синонимом, выступающим в функции замещения.

Следующий способ передачи реалий является наиболее частотным среди других приемов – это **приблизительный перевод**. «Обычно этим путем удастся, хотя часто и не очень точно, передать предметное содержание реалий, но колорит почти всегда теряется, так как происходит замена ожидаемого коннотативного эквивалента (его, разумеется, быть не может) нейтральным по стилю, т.е. словом или сочетанием с нулевой коннотацией» [Влахов, Флорин 1980, 90]. Существует несколько способов передачи реалий при приблизительном переводе: **родо-видовая замена, замена функциональным аналогом и описание, объяснение, толкование**.

«Принцип родо-видовой замены позволяет передать (приблизительно) содержание реалии единицей с более широким (очень редко – более узким) значением, подставляя родовое понятие вместо видового» [Влахов, Флорин 1980, 90].

В чешском варианте повести «Вечер накануне Ивана Купала» мы обнаружили следующие родо-видовые замены: *дрибушки* – *сор*, *кораблик (головной убор)* – *karkulka*, *кутья* – *kaše*, *монисты* – *korále*, *очипок* – *šeres*, *синдячка* – *stužka*, *хата* – *stavení*.

Слова *дрибушки* и *синдячки* встречаются в одном контексте – в описании внешности Пидорки, поэтому рассмотрим их вместе.

«...волосы ее, черные, как крылья ворона, и мягкие, как молодой лен (тогда еще девушки наши не заплетали их в дрибушки, перевивая красивыми,

ярких цветов синдячками), падали курчавыми кудрями на шитый золотом кунтуш» [Гоголь 1966, 42].

«...že jí vlasy, černé jako havraní křídlo a měkké jako mladý len (tenkrát si je děvčata ještě nesplítala do copů a nezavazovala hezkými jasnobarevnými stužkami), spadaly v kučeravých kadeřích na zlatem vyšívanou kanduš» [Gogol 1972, 45].

Следует начать с того, что современному русскому читателю эти слова кажутся незнакомыми, более того, эти слова могли быть малознакомы и гоголевскому современнику, не имевшему понятия об украинском быте (иначе *дрибушки* и *синдячки* не попали бы в словарь Рудого Панько). Слово *дрибушки* мы не обнаружили ни в одном словаре, за исключением словарика пасечника Рудого Панько, предваряющего текст повести: «дрибушки – мелкие косы» [Гоголь 1966, 9]. Слово *синдячка* мы также обнаружили в «Словаре забытых и трудных слов из произведений русской литературы XVII – XIX веков»: «синдячка, и, ж. (укр.). Узкая лента» [Словаре забытых и трудных слов из произведений русской литературы XVIII– XIX веков, http://difficult_words_ru.academic.ru]. В словарике пасечника указано аналогичное значение. Очевидно, переводчики не хотели отвлекать внимание читателя от портрета казачки, вводя непонятные слова, поэтому для передачи реалий они воспользовались введением родо-видовых соответствий, заменив *дрибушки* *косами* (чеш. *cop* – рус. *коса*), *синдячки* – *ленточками* (чеш. *stužka* – рус. *ленточка*).

Следующие слова-реалии также расположены в одном контексте, играющем важную роль с точки зрения национально-культурной составляющей. *Очипок* и *кораблик* (головной убор) являются элементами национального костюма русских и украинцев, в тексте встречаются в описании малоросской свадьбы – эпизоде, насыщенном словами-реалиями.

«Как молодицы, с корабликом на голове, которого верх сделан был весь из сутозолотой парчи, с небольшим вырезом на затылке, откуда

выглядывал золотой очипок, с двумя выдавшимися, один наперед, другой назад, рожками самого мелкого черного смушка» [Гоголь 1966, 47-48].

«Jak mladé ženy v karkulkách s hořejšky ze zlatohlavu, na týle s rozparečkem, ze kterého vykukoval zlatý spodní čepec s dvěma růžky z nejjemnějšího černého astrachánu, vyčnívajícími jeden vpředu, jeden vzadu...» [Gogol 1972, 50].

Следует отметить, что представленные здесь слова-реалии являются не только национальными, но и историческими: современному русскому читателю нелегко воспринимать приведенный выше элемент описания. И так, что из себя представляют *кораблик* и *очипок*? Согласно «Современному толковому словарю русского языка Т.Ф. Ефремовой», *кораблик* – это «старинный русский головной убор с приподнятым верхом спереди и с околышем сзади» [Современный толковый словарь русского языка Ефремовой, <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/>]. Надо полагать, что даже обращение к толковому словарю не помогает воплотить образ данного головного убора в своем воображении. Для лучшего понимания необходимо воспользоваться визуальным материалом, однако такой способ хорош при работе с людьми, углубленно изучающими иностранный язык и культуру данного языка. У нас, безусловно, другой случай, и этот случай довольно сложный, ведь переводчик должен донести до чешского читателя колорит повести, максимально передать впечатление, однако существуют такие элементы, которые часто называют непереводаемыми. Думается, что в данном случае переводчику не оставалось ничего лучше родо-видовой замены, поэтому *кораблик* превращается в *чепчик* или *шапочку* (чеш. *karkulka* – рус. *чепчик, шапочка, капор*). Возможно, это наносит меньший урон созданию образа по сравнению с транскрипцией и примечанием к ней. В противном случае могло бы возникнуть впечатление, что данный головной убор играет важную содержательную роль, чего, конечно, нет в оригинале, но колорит, безусловно, утрачивается.

То же происходит и с *очинком*, который в чешском варианте становится обычным *чепцом* (чеш. *šeres* – рус. *чепец*), в то время как для украинцев, по данным этнографического словаря, он является атрибутом замужних женщин [Этнографический словарь, http://ethno_ru.academic.ru]. Но и в этом случае перевод можно считать вполне адекватным, т.к. содержательная часть данных реалий играет здесь не самую важную роль.

Перейдем к рассмотрению следующей лексемы, которую переводчики предпочли передать с помощью родо-видового соответствия.

«Слушай, паноче! – загремел он ему в ответ, – знай лучше свое дело, чем мешаться в чужие, если не хочешь, чтобы козлиное горло твое было залеплено горячею кутьею!» [Гоголь 1966, 41].

«‘Poslouchej, panáčku’, zahřímal na něho Basavrjuk, ‘hled si radší svého a naplet se do cizího, jestli nechceš mít ten svůj kozlí krk zacpaný horkou kaší!’» [Gogol 1972, 44].

Словом-реалией в данном контексте является *кутья*. «Кутья – кушанье из крупы с медом, которое едят в рождественский сочельник на Украине (обл., этногр.)» [Толковый словарь Ушакова, <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/>]. Очевидно, что национально-культурный компонент, заложенный в слове *кутья*, слабо выражен в приведенном выше контексте, поэтому замена данного слова-реалии родовым понятием *каша* более чем оправданно (чеш. *kaše* – рус. *каша*).

Следующее слово – *монисты* – нам удалось найти в толковом чешском онлайн-словаре и в чешско-русском онлайн словаре в затранскрибированном виде (*monisto*), однако ни в том, ни в другом словаре не было помет, указывающих на то, что слово является реалией. Тем не менее, «Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка» объясняет данное слово следующим образом: «(малорос.) шейное украшение, состоящее из шнура, на котором нанизаны бусы» [Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/]. В чешском варианте вместо *monisto* появляется родовое понятие *korále* (бусы). Если мы

обратимся к контекстам, то убедимся, что и в этом случае прием генерализации оказался уместным:

«Пристанет, бывало, к красным девушкам: надарит лент, серег, монист – девать некуда!» [Гоголь 1966, 40].

«Má se taky k hezkým děvčatům, nosí jim pentle, náušnice, korále, až nevědí kam s tím!» [Gogol 1972, 44].

«На другую же ночь и тащится в гости какой-нибудь приятель из болота, с рогами на голове, и давай душить за шею, когда на шее монисто» [Гоголь 1966, 41].

«Hned to noc k ní jistě přijde na návštěvu některý jeho rohatý přítelíček z Bahniska a už ji škrtí, má-li na krku korále» [Gogol 1972, 44].

«Бросишь в воду – плывет чертовский перстень или монисто поверх воды, и к тебе же в руки» [Гоголь 1966, 41].

«Hodíš je do vody, ale takový čertův prstýnek nebo korále po ní plavou a hupku tobě do ruky» [Gogol 1972, 44].

В повести Н.В. Гоголя часто встречается слово *хата*, что неудивительно, так как это неотъемлемый элемент украинского быта. Несмотря на важность данной лексемы с точки зрения национально-культурного содержания, переводчики вынуждены избегать транскрипции слова-реалии *хата*, т.к. в чешском языке уже существует слово *chata*, которое обладает рядом значений, не сближающихся с русским словом: дача; туристическая база (в горах); гостиница, пансионат (в горах) [Чешско-русский словарь 1976, т. 1, 235-236]. В тексте данная лексема чаще всего передается с помощью слова *chalupa*, в некоторых местах в переводе она опущена, в некоторых передается словами *světnice* и *stavení*. Сразу оговоримся, что из всех замен лишь *stavení* (жилье) целесообразно рассматривать в связи с разговором о генерализации, т.к. оно является родовым понятием по отношению к *хате*, однако удобнее рассмотреть все случаи в одном месте.

В чешско-русском словаре под редакцией Л.В. Копецкого *chalupa* переводится как «(venkovské stavení) изба ž, хата ž; (rolnická usedlost) крестьянский двор, мелкое крестьянское хозяйство» [Чешско-русский словарь 1976, т. 1, 235]. Из определения следует, что *chalupa* не является эквивалентом лексемы *хата*, следовательно, не передает национальной специфики слова-реалии, несмотря на то, что все толковые словари русского языка подчеркивают национальную обусловленность данного слова:

«ХАТА - у украинцев, белорусов и части русских жилое помещение с печью; жилая постройка» [БЭС, <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/>];

«ХАТА, хаты, жен. Крестьянский дом (бревенчатый или мазанка) в украинской и южнорусской деревне» [Толковый словарь Ушакова, <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/>];

«ХАТА, -ы, жен. На Украине, в Белоруссии, на юге России: крестьянский дом...» [Толковый словарь Ожегова, <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/>] и др.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что *chalupa* является функциональным аналогом лексемы *хата* (о данном способе передачи реалий речь пойдет ниже). Такой способ помогает максимально отразить содержание, но приводит к неизбежной утрате колорита.

Однако, и мы уже об этом писали ранее, в тексте обнаружены и другие замены слова *хата*:

«Бедность не бедность: потому что тогда козаковал почти всякий и набирал в чужих землях немало добра; а больше оттого, что незачем было заводиться порядочною хатою» [Гоголь 1966, 40].

«Spíš proto, že stavět pořádné stavení se nevyplatilo» [Gogol 1972, 43].

Как видно из текста, лексема *хата* заменена нейтральным родовым понятием *stavení* (жилье), которое органично смотрится в данном контексте, так как содержательная сторона повести от этой замены не страдает. Колорит сохраняется за счет лексемы *козаковал*, которая передана в данном тексте с

помощью транскрипции: «...tenkrát skoro každý kozákoval...» [Gogol 1972, 43].

«Очнувшись на третий день, долго осматривал он углы своей хаты» [Гоголь 1966, 47].

«Když se třetího dne probрал, dlouho se rozhlížel po všech koutech své chaloupky» [Gogol 1972, 50].

Данный текстовый фрагмент относится к тому эпизоду повести, когда Петр после ночи на Ивана Купала в беспамятстве возвращается домой и, проснувшись на третий день, обнаруживает мешки с золотом. Функциональный аналог *chaloupka* (избушка, хижина) введен, очевидно, здесь для того, чтобы подчеркнуть контраст между бедностью и неожиданным богатством Петра, однако в таком случае переводчики взяли на себя роль творца текста и вложили в этот эпизод смысл, который не был предусмотрен Н.В. Гоголем. Следовательно, мы не можем считать эту замену адекватной. Стоит также отметить, что в ближайшем окружении не было слов, требующих синонимичной замены во избежание нарушения стиля, поэтому выбор переводчиков в пользу функционального аналога *chaloupka* может объяснять только их личными соображениями, что недопустимо в переводе. Переводчик не должен нарушать волю автора и добавлять свои смыслы в текст.

Следующий вид замены лишь условно можно назвать родо-видовым, так как *хата* заменена лексемой *světnice*, которая в чешско-русском словаре под редакцией Л.В. Копецкого дается с пометами *устаревшее* и *народное* и переводится как *комната, горница* [Чешско-русский словарь 1976, т. 2, 392]. Данное понятие нельзя считать видовым по отношению к *хате*, т.к. оно обозначает часть жилья, а не является его разновидностью. Обратимся к контексту, чтобы понять, насколько оправдано подобное замещение.

«Как будто прикованный, сидит посередине хаты, поставив себе в ноги мешки с золотом» [Гоголь 1966, 49].

«Sedí jako přibitý prostřed světnice a své pytle má postavené u nohou» [Gogol 1972, 52].

«Старуха пропала, и дитя лет семи, в белой рубашке, с накрытою головою, стало посреди хаты...» [Гоголь 1966, 50].

«Babice zmizela, ale uprostřed světnice stálo najednou asi sedmileté v bílé košili, hlavu zakrytou plachetkou» [Gogol 1972, 53].

«Вся хата полна дыма, и посередине только, где стоял Петрусь, куча пеплу, от которого местами подымался еще пар» [Гоголь 1966, 50].

«Celá světnice plná kouře a jen vprostřed, kde stál Petro, hromada popelu, ze které se místy leště kouřilo» [Gogol 1972, 53].

Все три указанных фрагмента относят к развязке повествования, т.е. к значимому моменту в структуре текста. Очевидно, что переводчики прибегли к максимальному обобщению слова-реалии *xata* для того, чтобы слово с яркой национальной окраской не перетягивало на себя внимание. Однако в таком случае, как нам кажется, лучше отказаться от слов с коннотативным содержанием. Здесь нейтральное *pokoј* (комната), на наш взгляд, было бы меньшей потерей.

Подводя небольшой итог, заметим, что переводчики прибегали к родовидовым заменам только в тех случаях, когда заменяемые слова-реалии не были акцентированы самим автором. Об этом также призывал помнить советский и российский лингвист Венедикт Степанович Виноградов: «Необходимо помнить, что, употребляя слово-реалию, писатель не всегда подчеркивает, не обязательно выявляет им сущность самой реалии, т.е. не акцентирует внимание читателя на отличии от других предметов того же рода. <...> Убедившись в такой трактовке текста, переводчик может не транскрибировать слово, ... а перевести его словом, выражающим родовое понятие, т.е. осуществить перевод с помощью родовидового соответствия. Все реалии соотносятся с какими-то общими понятиями, и это позволяет в определенных контекстах избегать окказиональных заимствований» [Виноградов 2001, 116].

К приблизительному переводу также относится передача слов-реалий с помощью **функционального аналога**. Функциональным аналогом А.Д. Швейцер называет «элемент конечного высказывания, вызывающего сходную реакцию у ... читателя» [Швейцер 1973, 251]. Так, название одного музыкального инструмента, характерного для определенной нации, можно заменить другим, не окрашенным в национальные цвета языка перевода. Такая процедура будет в некоторой степени безболезненной, если в тексте оригинала заменяемая реалья не несет на себе значительной смысловой нагрузки. Здесь также важно отметить, что для болгарских ученых С. Влахова и С. Флорина особенностью приблизительного перевода является отсутствие коннотации в слове или словосочетании, которыми заменяют слово-реалию. Мы не совсем согласны с данным положением. Конечно, нельзя заменять слово с НКК другим словом, «окрашенным в национальные цвета языка перевода», но, в частности, нам встретились случаи, когда слово-реалия заменяется функциональным аналогом с экспрессивной или уменьшительно-ласкательной характеристиками, что способствовало сохранению или компенсации того впечатления, которое производилось оригиналом на русского читателя. Неслучайно в формулировке А.Д. Швейцера по поводу функционального аналога мы читаем «элемент конечного высказывания, вызывающего *сходную* (курсив наш – Л.В.) реакцию у ... читателя».

В переведенной на чешский язык повести Н.В. Гоголя мы обнаружили довольно много случаев передачи реалии с помощью функционального аналога: *вершок* – *palec*, *кафтан* – *fráček*, *кунтуш* – *kanduš*, *макогон* – *palice*, *рушник* – *šatek*, *свитка* – *kazajka*, *šerka*, *kabát*, *сопилка* – *píštala*, *хата* – *chalupa*, *chalourka*, *шинок* – *hosroda*, *шишка* – *koláč*.

Одна из реалий (*вершок*), переданная с помощью функционального аналога (*palec*), относится к особой группе – реалий-мер.

С точки зрения перевода, реалии, обозначающие меры, заслуживают особого внимания. Как справедливо отмечают С. Влахов и С. Флорин,

«большинство наименований этих единиц – типичные для ИЯ термины, и реалиями их делает неповсеместное распространение» [Влахов, Флорин 1980, 153].

Важно помнить, что единицы мер, употребляемые с числительными, в любом тексте являются носителями информации об определенном весе, расстоянии или объеме, другими словами, они важны содержательно, и поэтому переводчики должны передать эти реалии так, чтобы читатель мог это содержание воспринять. Но также важно помнить и то, что язык искусства – это особый язык и, попадая в этот язык образов, реалии-меры не столько выполняют функцию передачи конкретного содержания, сколько используются «для создания в воображении читателя зримого представления об описываемом фрагменте действительности» [Влахов, Флорин 1980, 156]. Таким образом, в художественной литературе предпочтение отдается приблизительности, нежели точности цифровых показателей. Иногда сам контекст может подсказывать примерное значение реалий-мер (*целых четырнадцать танов; всего пятьдесят футов* и т.д.), но бывают случаи, когда для осуществления художественного замысла необходимо воспользоваться точными количественными характеристиками, и переводчик не должен нарушать авторский замысел. В итоге последнее слово всегда остается за контекстом.

При передаче реалий-мер в переводе существует еще один немаловажный момент. Иногда иностранная реалия бессознательно приравнивается читателем перевода к своей, за счет чего происходит неадекватное восприятие содержания текста. «Поэтому в ряде случаев художественный образ при переводе намного выигрывает в яркости и четкости, если читатель вместо непонятной чужой реалии встретит реалию знакомую, привычную, которая создает в его воображении требуемый образ» [Влахов, Флорин 1980, 158]. Но и в этом случае все зависит от контекста, от того, насколько колорит произведения зависит от передаваемой реалии.

Перевод реалий-мер функциональным аналогом считается наиболее удачным в тех случаях, когда колорит этих реалий несколько ослаблен. Думается, что у нас именно такой случай. Когда отчаявшаяся Пидорка обращается к последнему средству, чтобы вывести Петра из перманентного бреда и приводит домой старуху-колдунью, намечается развязка повести. Петр, узнав старуху – причину его невыносимого состояния, бросает в нее топор, который «на два вершка вбежал в дубовую дверь» [Гоголь 1966, 50]. В испарившуюся старуху он, конечно, не попал, зато читатель смог убедиться в силе, которую приложил Петр, кидая этот топор. Меньше всего в этом эпизоде ощущается колорит повести, поэтому перевод функциональным аналогом более чем уместен, несмотря на то, что даже в содержательном аспекте в переводе мы наблюдаем лишь приблизительное значение. Согласно БЭС, вершок – «русская мера длины, равная $13/4$ дюйма (4,45 см). Первоначально равнялась длине фаланги указательного пальца. 4 вершка = 1 пяди [БЭС, <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/>]. Данная мера длины в переводе обозначается как *palec*: «Sekera se zasekla na dva palce do dubových dveří» [Gogol 1972, 53]. Согласно чешско-русскому словарю под редакцией Л.В. Копецкого, *palec* в одном из значений переводится как *дюйм* с пометой *устаревшее*, что хорошо подчеркивает именно исторический колорит, который присущ русской мере *вершок*. Однако *дюйм* присутствовал и в русской дометрической системе измерения и обозначал, согласно БЭС, 2,54 см, что не равняется одному вершку (4,45 см). Однако здесь более важен образ, чем количественное представление, и для чешского читателя 5.08 см (два дюйма) будут также олицетворять ту силу, с которой Петр кинул топор в старуху.

Следующее слово (*кафтан*) скорее является реалией исторической, чем национальной. Так, в БЭС читаем: «кафтан (тюрк.-перс.) – старинная верхняя одежда с глубоким запахом и длинными рукавами» [БЭС, <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/>]. В тексте данная реалия также не выделяется своим национальным колоритом, поэтому переводчики вполне

разумно заменили *кафтан* уменьшительной формой слова *фрак* (чеш. *fráček* (уменьшит., экспр.) – рус. *фрак*). Очевидно, что сходство между *кафтаном* и *фраком* мизерное, однако в эпизоде повести Н.В. Гоголя, где упоминается данный вид одежды, важна не сама одежда, а тот оттенок иронии, который улавливается русским читателем в связи с определением кафтана – *гороховый* (ср. *шут гороховый*), а также контекстными синонимами к слову *панич* (владелец кафтана) – *писака, барышник, сучий москаль*. Надо полагать, что переводчики осознанно выбирают функциональный аналог с уменьшительной и экспрессивной характеристиками, чтобы подчеркнуть присутствующую в тексте ироническую характеристику, не акцентируя внимание на реалии:

«Только приезжает из Полтавы тот самый панич в гороховом кафтане...» [Гоголь 1966, 38].

«...Ten panáček v zlenkavém fráčku...» [Gogol 1972, 42].

Следующую реалию и ее перевод можно было бы рассматривать в том месте, где речь шла о транскрипции, так как написание и фонетическое звучание слов *кунтуш* и *kanduš* довольно схоже, однако обращение к словарям показывает, что лексеме *кунтуш* соответствует *kontuš*, а слово *kanduš*, согласно чешскому толковому онлайн-словарю, имеет иное значение и является, кроме того, диалектным.

Итак, само слово *кунтуш*, согласно «Словарю иностранных слов, вошедших в состав русского языка...», является польской и малоросской реалией: «Кунтуш (польск. kontusz). У поляков и малороссов, верхняя одежда с разрезными висячими рукавами [Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/]. В чешско-русском онлайн-словаре слово *кунтуш* переводится как *kontuš* с пометой *историческое*, однако в словаре отсутствуют указания на местную принадлежность лексемы [RČS, <http://slovník.slu.cas.cz/slovník/main/Main.html>]. В толковом онлайн-словаре чешского языка *kontuš* объясняется как «svrchní šat polský (dlouhý kabát s

rozstříženými rukávy)» [PSČ, <http://bara.ujc.cas.cz/psjc/search.php>]. Такая дефиниция почти соответствует русскому толкованию лексемы *кунтуш*, так как в чешском словаре не отмечено распространение этой реалии на Украине. Возникает вопрос: почему в переводе повести на чешский язык фигурирует слово *kanduš* вместо *kontuš* и что оно означает? Начнем с того, что в чешско-русском словаре под редакцией Л.В. Копецкого нам не удалось обнаружить ни той, ни другой лексемы, что может свидетельствовать о неупотребительности данного слова, однако в толковом онлайн-словаре чешского языка наличествуют обе формы, одну из которых мы уже рассмотрели. Второе слово *kanduš* дается в словаре с пометой *диалектное* и объясняется как «*sukně šitá dohromady s živůtkem, ale bez rukávů* (юбка, сшитая с корсажем, без рукавов – Л.В.)» [PSČ, <http://bara.ujc.cas.cz/psjc/search.php>]. Из определения понятно, что речь идет о женской одежде, возможно, именно этим и продиктован выбор данного слова в переводе, так как в оригинале *кунтуш* употребляется в контексте, где речь идет о женском наряде:

«...волосы ее <...> падали курчавыми кудрями на шитый золотом кунтуш» [Гоголь 1966, 42].

«...že jí vlasy <...> spadaly v kučeravých kadeřích na zlatem vyšívanou kanduš» [Gogol 1972, 45].

«В синих, из лучшего полутабенку, с красными клапанами кунтушах, важно подбоченившись, (молодицы – Л.В.) выступали поодиночке и мерно выбивали гопака» [Гоголь 1966, 48].

«V modrých kanduších z nejlepší dykyty s červeným lemováním jedna po druhé vystupovaly z řady, a ruce důstojně opřené v bok, ladně vydupávaly hopaka» [Gogol 1972, 50].

Такой выбор переводчиков дает нам основание полагать, что в чешском языке слово *kontuš* обозначает мужскую одежду. Подбор диалектной замены может указывать, с одной стороны, на отсутствие литературного аналога для обозначения подобной женской одежды, или, с

другой стороны, на желание подчеркнуть особый колорит, если не национальный, то бытовой. Ни о том, ни о другом мы не можем говорить с полной уверенностью, за неимением источников. В *Český národní korpus* (чешском национальном корпусе) мы не обнаружили примеров с этими словами.

Рассмотрим теперь лексему, обозначающую украинскую реалию *макогон*, которая в переводе передана с помощью функционального аналога *palice* (деревянный молот). Согласно «Современному толковому словарю русского языка...» Ефремовой, макогон – «большой деревянный пест, которым на Украине толкут семена льна, растирают мак, творог, масло и т.п.» [Современный толковый словарь русского языка, <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/>]. Обратимся к контексту, чтобы понять насколько местная характеристика важна в оригинале и насколько оправдана замена слова-реалии функциональным аналогом.

«Проклятый поцелуй, казалось, оглушил его совершенно. Ему почудился он громче, чем удар макогона об стену, которым обыкновенно в наше время мужик прогоняет кутью, за неимением фузеей и пороха» [Гоголь 1966, 42].

«Ta zatracená hubička ho podle všeho docela omráčila. Případlo mu, že byla hlučnější, než když chlapbouchne palicí do stěny, aby zahnal zlé duchy, jak to teď mužáci dělávají, protože nemají flinty střelný prach» [Gogol 1972, 45-46].

Из контекста видно, что *макогон* используется не по назначению и стоит отметить, что даже русскому читателю не сразу понятно, о чем идет речь. Более того, перевод дает более ясную картину, чем оригинал. Согласно переводу, *макогон* нужен, чтобы прогонять злых духов, так как ружья и пороха у мужика в то время не водилось. Кроме того, в тексте наличествует и другая реалия – *кутья*, о значении которой мы уже писали выше. Согласно контексту, *кутья* употреблена в переносном значении, однако нам не удалось найти никаких упоминаний о том, что данное слово может обозначать что-то помимо особого блюда. Таким образом, современному русскому человеку

данное предложение ни о чем не говорит, поэтому нам сложно судить об адекватности перевода этого текстового фрагмента.

Следующая реалья – *рушник* – является общей для восточных славян. Согласно этнографическому словарю, «рушник (укр.), ручник (бел.), полотенце у восточных славян, обычно с вышитым или тканым узором» [Этнографический словарь, http://ethno_ru.academic.ru]. Именно этот узор, по видимому, и делает этот предмет реалией, что, собственно, и мешает данному слову стать интернациональным: слишком мало специфических национальных черт. Не стали акцентировать внимание на этом слове и чешские переводчики, заменив *рушник* обычным *платком* (чеш. *šatek*). Контекст показывает целесообразность обращения к функциональному аналогу.

«Не один рушник вымочила горючими слезами» [Гоголь 1966, 43].

«Nejeden šátek jsem zmáčela horkými slzami» [Gogol 1972, 46].

«Поляку дали под нос дулю, да и заварили свадьбу: напекли шишек, нашили рушников и хусток, выкатили бочку горелки; посадили за стол молодых; разрезали коровай; брякнули в бандуры, цимбалы, сопилки, кобзы – и пошла потеха...» [Гоголь 1966, 47].

«Nebylo proč otálet, dali Polákovi košem a vystrojili svatbu: napekli koláčů, našili plachetek a šátků, vyvalili soudek pálenky; posadili mladé ke stolu, rozkrojili svatební pecen; bandury, kobzy a cimbály zadrnčely, piš'taly zahudly - a jedli, pili a veselí byli...» [Gogol 1972, 50].

В первом случае предложение само по себе с точки зрения национального колорита насыщено: в нем присутствует реалья (*рушник*) и фольклорный элемент (*горючие слезы*). Сохранение реалии с помощью транскрипции привело бы к неоправданным трудностям восприятия и к излишнему вниманию со стороны читателя.

Во втором случае замена неизвестной реалии функциональным аналогом также не приводит к утрате колорита, так как в этом небольшом

контексте присутствуют и другие реалии, очевидно, более знакомые, потому что их переводчики передали с помощью транскрипции.

Следующие слова-реалии – *сопилка* (*píšťala*) и *шишка* (*koláč*) – относятся к тому же насыщенному с точки зрения колорита эпизоду (см. выше), и переводчикам пришлось проделать серьезную работу, чтобы максимально сохранить впечатление от оригинала при переводе. Выше, говоря о транскрипции, мы уже разобрали такие слова-реалии, как *бандура* и *кобза*, в этом же контексте коснулись и *сопилки*. Обращение к чешско-русским словарям показало, что чешское *píšťala* (дудка, свирель) является скорее не функциональным аналогом, а эквивалентом *сопилки*. Так, в толковом чешском онлайн-словаре читаем: «*sopilka*, -y f. (v ukrajinském prostředí) *píšťala*, *flétna*» [PSC, <http://bara.ujc.cas.cz/psjc/search.php>]. В чешско-русском онлайн-словаре (RČS) мы также обнаружили перевод *сопилки* через чешское слово *píšťala*: «сопел||ь, -и ž *sopilka*, *píšťala* lidový nástroj» [RČS, <http://slovník.slu.cas.cz/slovník/main/Main.html>]. Из этого следует, что у переводчиков не возникло трудностей с переводом данного слова, несмотря на то, что в русских толковых словарях лексема *сопель* обозначается как слово-реалия (см., например, БЭС). Кроме того, и мы уже об этом писали выше, положение лексемы *сопилка* в тексте таково, что даже отсутствие эквивалента не помешало бы ее адекватной передаче на язык перевода.

Слово *шишка*, которое, согласно словарю Н.В. Гоголя, употребляется в тексте в значении «небольшой хлеб, делаемый на свадьбах», оказалось нелегко найти в словарях. Однако в «Этимологическом словаре...» М. Фасмера мы обнаружили, что данная лексема может быть не просто реалией, но также реалией общеславянской, т.к. в чешском языке *šiška* обозначает «шишку, кнедлик (вид булочки)» [Этимологический словарь М. Фасмера, <http://dic.academic.ru/dic.nsf/vasmer/>]. Более того, в чешско-русском словаре под редакцией Л.В. Копецкого *šiška* в одном из значений переводится как *буханка (продолговатой формы)* [Чешско-русский словарь 1976, т. 2, 403]. Тем не менее переводчики воспользовались функциональным аналогом *koláč*

(пирог) при передаче данной реалии на чешский язык. Естественно, что сохранение всех реалий с помощью транскрипции было бы ошибкой со стороны переводчиков и привело бы к таким неприятным последствиям, как трудность восприятия текста, акцент на содержательной стороне элементов, нужных в тексте больше для создания определенной атмосферы, и нарушение того впечатления, которое текст производит на русского читателя.

Следующая реалия – *свитка* – встречается в тексте три раза, где в переводе на чешский язык для каждого случая подобран функциональный аналог: *kazajka* (куртка), *šerka* (одежда из грубой шерстяной материи), *kabát* (пальто). Для того, чтобы понять, чем обусловлен выбор переводчиков, необходимо обратиться к словарям, а затем к контекстам, где употреблена данная реалия.

О том, что *свитка* является реалией не только украинской, но также русской и белорусской, свидетельствуют «Большая советская энциклопедия» (БСЭ), «Словарь забытых и трудных слов из произведений русской литературы XVIII-XIX веков» и «Современный толковый словарь русского языка...» Ефремовой. Толковый словарь Ушакова указывает, что *свитка* – это «род верхней длинной одежды у украинцев», в «Толковом словаре...» Ожегова вообще отсутствует указание на местную характеристику данного вида одежды, однако отмечается, что носили такую одежду «в старое время», т.е. имеется косвенное указание на то, что это реалия историческая. В любом случае у нас не остается сомнений как в статусе реалии данного слова, так и в том, что при переводе ему должно уделяться особое внимание.

Обратившись к доступным для нас чешским словарям, мы выяснили, что это слово не является распространенным, и, очевидно, у него нет закрепившегося в словарях перевода-транскрипции. Так, мы не обнаружили слово *svitka* ни в толковом чешском онлайн-словаре, ни в чешско-русском словаре под редакцией Л.В. Копецкого, зато в чешско-русском онлайн-словаре (RČS) лексема *свитка* передана с помощью транскрипции с пометой

dříve (прежде): «свитк||а, -и ž *dř.* „svita“, „svitka“ *selský volný kabát* (свободное крестьянское пальто – Л.В.)» [RČS, <http://slovník.slui.cas.cz/slovník/main/Main.html>]. В определении также отсутствует указание на местную принадлежность. Однако малознакомость реалии, ее нераспространенность не может служить оправданием для замены ее более знакомыми нейтральными словами, если она играет важную содержательную роль. Для того, чтобы понять, насколько переводчики адекватно передали данную реалию, необходимо обратиться к контексту.

«И чтобы мне не довелось рассказывать этого в другой раз, если не принимал часто издали собственную положенную в головах свитку за свернувшегося дьявола» [Гоголь 1966, 39].

«At' mi víckrát není dopřáno tohleto povídat, jestli jsem svou vlastní kazajku, schumlanou v hlavách postele, kolikrát neměl za stočeného d'ábla» [Gogol 1972, 50].

В первом случае Фома Григорьевич описывает свои впечатления после рассказов его деда «про какое-нибудь старинное чудное дело, от которых всегда дрожь проходила по телу и волосы ерошились на голове». И в этих впечатлениях важна не свитка, а то, что любой предмет можно было принять, испугавшись, за что-то страшное, например, за дьявола. Конечно, свитка, будучи элементом быта определенной нации, важна как носитель национального и культурного колорита, но сосредоточение внимания в данном контексте на «длинной верхней народной мужской и женской одежде из домотканого сукна у русских, украинцев, белорусов» [Словарь забытых и трудных слов из произведений русской литературы XVIII-XIX веков, http://difficult_words_ru.academic.ru] могло бы отрицательно сказаться на восприятии чехами данной повести, поэтому переводчики *свитку* заменили нейтральным словом *kazajka* (*куртка*), благодаря чему содержательная сторона данного фрагмента не пострадала.

«Но то беда, что у бедного Петруся всего-навсего была одна серая свитка, в которой было больше дыр, чем у иного жида в кармане золотых» [Гоголь 1966, 42].

«Ale smůla byla v tom, že chudák Petro měl všeho všudy jedinou režnou šerku a v ní víc děr, než mívá některý žid v kapse zlat'áků» [Gogol 1972, 45].

Во втором текстовом фрагменте речь идет о бедности Петра, а так как свитка не является атрибутом богатых или бедных, то и здесь ее содержательная роль невелика. Для того чтобы передать смысл данного предложения, переводчики воспользовались функциональным аналогом *šerka*, что в переводе означает одежду из грубой шерстяной материи. Кроме того, в приведенном выше тексте имеется элемент сравнения, который является частью выразительных средств русского языка и также несет в себе национально-культурную информацию. Так, слово *жид* в русском языке имеет негативную коннотацию, а чешское слово *žid* является нейтральным, за счет чего в переводе происходит потеря части смыслов. Если потеря колорита в случае замены функциональным аналогом реалии, не играющей важной роли в содержательном аспекте, может быть компенсирована за счет других слов-реалий и других единиц с НКК, то колорит содержательно важных элементов при замене их на нейтральные невосполним.

«Как парубки, в высоких козацких шапках, в тонких суконных свитках, затянутых шитыми серебром поясами, с люльками в зубах, рассыпались перед ними мелким бесом и подпускали турусы» [Гоголь 1966, 48].

«Jak je chlapci ve vysokých kozáckých čepicích, v kabátcích z jemného sukna, stažených stříbrem vyšívanými opasky, s dřevěnkami v zubech obletovali, jak jim podkuřovali a sázeli růžičky» [Gogol 1972, 50-51].

Третий текстовый фрагмент насыщен единицами, передающими национальный колорит: прямое заимствование из украинского языка (*парубки*), реалии (*казацкий, свитка*), областные слова (*люлька*), фразеологизмы (*рассыпаться мелким бесом, подпускать турусы*).

Естественно, что сохранение всех этих элементов в переводе даже с развернутыми пояснениями (что в переводоведении является крайне нежелательным) могло бы привести к большим трудностям в восприятии текста, поэтому замена *свитки* функциональным аналогом *kabát* здесь также является закономерной и вполне оправданной.

Подводя небольшой итог, отметим, что почти все произведенные замены слов-реалий функциональными аналогами в переводном тексте можно считать удачными, за исключением замены слова *xata* на слово *chaloupka*, т.к. мы не обнаружили достаточных причин вводить дополнительные оттенки значения, которые отсутствуют в оригинале.

В тех случаях, когда ни один из выше рассмотренных приемов не подходит, приходится прибегать к **описанию, объяснению** или **толкованию** слов-реалий. «Этот тип перевода довольно близко подходит к родо-видовым заменам... Различие, по-видимому, следует искать в большей или меньшей степени удаленности видового от родового... Нередко объяснительный, как описательный перевод, является по существу переводом не самой реалии, а ее толкования» [Влахов, Флорин 1980, 92].

В переводе повести Н.В. Гоголя мы встретили описательный перевод слов *жупан* (*kozacký kaftan*) и *казачка* (*Bacová dcerka*):

«Они говорили только, что если бы одеть его в новый жупан, затянуть красным поясом, надеть на голову шапку из черных смушек с щегольским синим верхом, привесить к боку турецкую саблю, дать в одну руку малахай, в другую люльку в красивой оправе, то заткнул бы он за пояс всех парубков тогдашних» [Гоголь 1966, 41-42].

«Říkaly jen, že mít na sobě nový kozácký kaftan stažený červeným opaskem, černou beránkovou čepicí se švihácky modrým dýnkem, po boku tureckou šavli, v jedné ruce nahaiku a v druhé dřevěnku s pěkným kováním, strčil by všechny ostatní hochy do kapsy» [Gogol 1972, 45].

Передача лексемы *жупан* с помощью описательного перевода не является проявлением своеволия переводчиков, это тот самый случай, когда

передача с помощью транскрипции невозможна из-за омонимии в паре рассматриваемых нами языков, т.к. *župan* в чешском языке является многозначным словом и обозначает, с одной стороны, «управляющего жупой» (административным округом), а с другой – «халат» или «яблоки, запеченные в тесте» [Чешско-русский словарь 1976, т. 2, 711]. Заменяв *жупан казацким кафтаном*, переводчики избавились от нежелательной двусмысленности и попытались частично сохранить колорит за счет слова-реалии *казацкий*, несмотря на то, что содержание данной единицы немного изменилось, что не так важно для приведенного контекста, ведь речь в нем идет о том, что богатая одежда сделала бы из Петра настоящего красавца.

Следующий контекст дает представление о целесообразности описательного перевод слова-реалии *казачка*:

«...полненькие щеки козачки были свежи и ярки, как мак самого тонкого розового цвета...» [Гоголь 1966, 42].

«...líčko té Vácovy dcerky bylo svěží a půvabné jako světlounce růžový květ máku...» [Gogol 1972, 45].

Чтобы понять мотивацию переводчиков при выборе данного приема передачи слова-реалии *казачка*, обратимся к словарям. Так, согласно «Толковому словарю...» Ожегова, *казачка* – это «жена или дочь казака» [Толковый словарь Ожегова, <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/>]. Толковый словарь чешского языка представляет нам несколько значений данной лексемы: «**kozačka**, -y f. ke *kozák*; *členka kozákovy rodiny*. <...> **D** *pasačka koz.* <...> **D** *název českého lidového tance*. <...> **D** *odrůda hrušek*. <...> **D** *Argot. čs. stokorunová bankovka (z r. 1931)*» [PSC, <http://bara.ujc.cas.cz/psjc/search.php>].

Очевидно, именно многозначность слова *kozačka* в чешском языке навела переводчиков на мысль передать данную лексему с помощью описательного оборота *Vacová dcerka*, тем более что содержание повести и приведенного фрагмента от этого выбора не страдает.

Таким образом, заключим, что к описательному переводу переводчики обращались лишь в тех случаях, когда этот прием был действительно уместен.

Далее мы рассмотрим слова-реалии, способы передачи которых не нашли свое место в классификации болгарских ученых.

В тексте мы обнаружили случаи замены одной реалии на другую: *кобза* – *bandura*, *червонцы* – *dukáty*. С точки зрения переводоведения, подобные замены считаются недопустимыми, однако здесь имеет место исключение. Разберем каждое слово в отдельности, чтобы проверить целесообразность подобных замен.

В параграфе, где рассматривался такой способ передачи реалий, как транскрипция, мы уже писали о старинном лютневидном украинском инструменте *кобзе*. В одном случае данное слово было передано с помощью транскрипции, в другом – с помощью другой реалии:

«Скажи ему, что и свадьбу готовят, только не будет музыки на нашей свадьбе: будут дьяки петь вместо кобз и сопилок» [Гоголь 1966, 43].

«Místo bandur a písťal budou zpívat d'áčkové» [Gogol 1972, 46].

Думается, что *bandura* в чешском языке является более употребительной реалией, а следовательно, и более знакомой. Кроме того, между *бандурой* и *кобзой* есть определенное сходство, поэтому данную замену можно считать безболезненной. Важно также сказать, что слова-реалии *кобза* и *сопилка* в данном контексте нужны скорее для обозначения контраста (свадьба противопоставляется похоронам), чем для придания колорита, поэтому мы не видим здесь грубой ошибки со стороны чешских переводчиков, ведь впечатление, и это самое важное, передано верно.

Следующая рассматриваемая нами лексема относится к особой группе реалий-денег – *червонцы*. Данная группа реалий является антиподом реалий-мер, т.к. в отличие от них чаще всего транскрибируется (в то время как реалии-меры чаще всего передаются с учетом их смыслового содержания): «Валюту же следует всегда оставлять ту, что в оригинале, поскольку она

характерна для определенной страны, и рубли, использованные в переводе с любого другого языка на русский, перенесли бы действие в Россию» [Левый 1974, 134]. Но денежная единица не всегда является символом своей страны, поэтому данное утверждение нельзя считать бесспорным. В нашем случае лексема *червонцы* может считаться реалией лишь в диахроническом аспекте, употребляемой в значении «общее название иностранных золотых монет (дукатов, цехинов), обращавшихся в допетровской России» [Современная энциклопедия, <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/51582>], ведь описываемые в повести события относятся примерно к XVII веку. Собственно, этим и объясняется замена червонцев на историческую реалию *дукаты*. Согласно БЭС, «дукат (от итал. *ducato*) – старинная серебряная, затем золотая (3,4 г) монета; появилась в Венеции (1140). Позже чеканилась во многих западно-европейских странах (иногда под названием цехина или флорина). В допетровской России называлась червонец» [БЭС, <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/>]. Таким образом, намечается определенная сложность в обозначении данного приема передачи реалии. С одной стороны, *дукат* во всех словарях дается с пометой *историческое* и в своем определении имеет указание на место распространения, с другой стороны, *дукат*, согласно Современной энциклопедии, может являться видовым понятием по отношению к *червонцу*. Кроме этого, согласно БЭС, мы можем считать *дукат* эквивалентом *червонца*. Однако в переводе повести мы также встречаем такое слово, как *zlaták*, которое в словаре под редакцией Л.В. Копецкого дается с пометой *историческое* и переводится как *червонец*.

«Ге-ге-ге! да как горит! – заревел он, пересыпая на руку червонцы. – Ге-ге-ге! да как звенит!» [Гоголь 1966, 44].

«‘Но, ho, ho! Jak to hoří!’ zařval Basavřjuk, přesyřáváje si dukáty do ruky. ‘Но, ho, ho! Jak to zvoní!’» [Gogol 1972, 47].

«Червонцы, дорогие камни, в сундуках, в котлах, грудями были навалены под тем самым местом, где они стояли» [Гоголь 1966, 46].

«Dukáty a drahé kameny v truhlách, v kotlech a na hromadách se kupily právě pod místem, kde stáli» [Gogol 1972, 49].

«Кинулись к мешкам: одни битые черепки лежали вместо червонцев» [Гоголь 1966, 50].

«Podívali se do pytlů: místo zlatáků v nich harašily jen hliněné střípky» [Gogol 1972, 53].

Исходя из вышесказанного, мы полагаем, что оба варианта передачи реалии *червонцы* уместны, так как последняя осознается скорее как исторический, чем национальный предмет.

В тексте также встретились общеславянские реалии, у которых в чешском языке есть соответствия: *горлица* (танец) – *hrdlička*, *каганец* – *kahánek*, *каравай* – *resen*. Согласно чешско-русскому словарю под редакцией Л.В. Копецкого, *resen* переводится как *каравай* [Чешско-русский словарь 1976, 19]. *Hrdlička* также переводится как *горлица*, *горлинка* [Чешско-русский словарь 1976, 225], однако в словаре нет указания на то, подразумевается ли под этой лексемой, кроме общепринятого значения – наименования птицы, украинский танец. Тем не менее в контексте данное слово встречается с глаголом *tancovat*: «*tancovala hrdličku*» [Gogol 1972, 50].

Согласно русским и чешским толковым словарям, а также «Этимологическому словарю...» Макса Фасмера, следующее рассматриваемое нами слово-реалия *каганец* – *kahánek* наличествует во всех славянских языках (укр. *káганець*, чеш. *kahan*, *kahanec*, словц. *kahan*, польск. *kaganięc*). Происхождение этого слова не установлено, поэтому трудно рассуждать о принадлежности данной реалии к какой-либо культуре. Заключим, что слово *kahánek* не вызовет затруднения у чешского читателя. Однако стоит заметить, что в чешском варианте вместо просто разговорной формы *kahán* употреблена уменьшительная и разговорная *kahánek*. Может быть, по мнению переводчиков, форма *kahánek* лучше указывает на диалектный характер русского слова *каганец*.

В повести Н.В. Гоголя также встречается характерная портретная деталь украинского мужчины – *чуб*, или *оселедец*. Однако *чуб* лишь в определенном контексте может являться реалией, т.к. у этого слова два значения, одно из которых – нейтральное:

«1. Клок волос, хохол, вихор у мужчины. 2. Отрощенный длинный клок волос на бритом темени у запорожцев, украинских казаков, то же, что оселедец (ист.)» [Толковый словарь Ушакова, <http://dic.academic.ru/dic.nsf/usakov/1089190>].

Очевидно, этим обусловлено наличие в чешском языке соответствия *čupřina* (*чуб*) [Чешско-русский словарь 1976, т. 1, 105]. Такой перевод передает содержание, однако украинский колорит, который хорошо ощущает русский человек, благодаря лексеме *оселедец*, утрачивается.

«Если ты мне когда-нибудь покажешься в хате или хоть только под окнами, то слушай, Петро: ей-Богу, пропадут черные усы, да и оселедец твой, вот уже он два раз обматывается около уха, не будь я Терентий Корж, если не распрощается с твоею макушей!» [Гоголь 1966, 43].

«Jestli se mi ještě někdy ukážeš v chalupě nebo i jenom pod okny, tak na mou duši, Petro, přijedeš o své černé frnousy, a at se nejmenuju Terentij Bác, jestli se ti nerozloučí s lebení taky ta tvá černá čupřina, co ji máš už dvakrát omotanou kolem ucha!» [Gogol 1972, 46].

Слово *чуб* вообще заменяется на экспрессивное и просторечное *раčes*, которое переводится как *вихры*, *космы*, *патлы*, *лохмы* [Чешско-русский словарь 1976, т. 2, 5]. Следует отметить, что контекст допускает такую замену и дополнительные характеристики (экспрессивное, просторечное) лишь способствуют созданию правильного впечатления.

«начнут сперва целоваться, а после ухватятся за чубы» [Гоголь 1966, 48].

«a nejdřív se hubičkují, pak si vjedou do račesů» [Gogol 1972, 51].

Итак, в повести Н.В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала» мы обнаружили тридцать одно слово, обозначающее реалии. Из них лишь семь

слов было затранскрибировано (*бандуры* – *bandury*, *кобза* – *kobza*, *козак* – *kozák*, *козаковать* – *kozakovat*, *козацкий* – *kozácký*, *нагайка* – *nahajka*, *Яга* – *Jaga*), остальные подверглись переводу. Очевидно, такое решение переводчиков было продиктовано желанием сохранить национальный колорит без нарушения читательского восприятия, ведь неуместная транскрипция ради привнесения в текст экзотики может не только нарушить впечатление, но и исказить содержание повести. Именно поэтому большое количество реалий было передано с помощью перевода, который имеет свои разновидности. Такой прием перевода, как «введение неологизма» является крайне редким, т.к. переводчики зачастую не хотят брать на себя роль творца языка, поэтому мы не встречаем в тексте калькированных слов и семантических неологизмов, однако в повести присутствует одно освоение (*шинок* – *šenkovna*). Большинство слов подверглось «приблизительному переводу», среди которых мы наблюдаем семь родо-видовых замен (*дрибушки* – *cop*, *кораблик (головной убор)* – *karkulka*, *кутья* – *kaše*, *монисты* – *korále*, *очинок* – *čepes*, *сундячка* – *stužka*, *хата* – *stavení, světnice*), одиннадцать замен с помощью функционального аналога (*вершок* – *palec*, *кафтан* – *fráček*, *кунтуш* – *kanduš*, *макогон* – *palice*, *рушник* – *šatek*, *свитка* – *kazajka, šerka, kabát*, *сопилка* – *píštala*, *хата* – *chalupa, chaloupka*, *червонцы* – *dukáty*, *шинок* – *hospoda*, *шишка* – *koláč*) и два описательных перевода (*жупан* – *kozacký kaftan*, *козачка* – *Vacová dcerka*). Кроме того, мы обнаружили три общеславянские реалии, для которых в чешском языке существуют языковые эквиваленты (*горлица (танец)* – *hrdlička*, *каганец* – *kahánek*, *каравай* – *pečen*), замену одних реалий на другие (*кобза* – *bandura*, *червонцы* – *dukáty*) и слова, у которых в чешском языке также нашлись соответствия (*оселедец* – *čipřina*, *чуб* – *račes*), но их, однако, нельзя считать полными языковыми эквивалентами.

Таким образом, основываясь на проведенном нами анализе способов передачи русских и украинских слов-реалий при переводе на чешский язык, мы можем заключить, что переводчики профессионально справились с этой

задачей. На это указывают такие факторы, как соблюдение баланса между транскрипцией и переводом слов-реалий для того, чтобы избежать загруженности текста избыточными реалиями, а также транскрипция уже известных или важных с точки зрения семантической нагрузки слов (как показал анализ, транскрибировались чаще те слова-реалии, которые встречались в тексте больше пяти раз, и наоборот, единожды употребленные слова-реалии передавались с помощью иных приемов). Важно также отметить стремление переводчиков восполнить утрату колорита за счет дополнительных средств – использования лексики с коннотативным значением (экспрессивное, уменьшительное, устаревшее и т.д.).

В заключение нашего исследования хотелось бы привести слова В.С. Виноградова, которые лишний раз доказывают, насколько работа переводчика сложна и ответственна: «Сохранить национальное своеобразие подлинника в переводе – задача особой трудности. Она выполняется не только и, может быть, не столько за счет различных приемов передачи фоновой информации средствами переводящего языка, сколько творческим воссозданием всего идейно-художественного содержания произведения, передачей мироощущения автора, его стиля и манеры письма средствами родного языка, который тоже детище и творец национальной культуры. Воспринимая оригинал как целостную художественную систему, переводчик пытается создать равноценное литературное произведение и выразить в нем отраженные в подлиннике национальные формы жизни, психологию народа и его культуру. И. Кашкин справедливо утверждал, что ощущение чужеземности в переводе достигается не внешней формальной экзотикой, “не поверхностным копированием чужезычия, а путем глубоко понятой и чутко переданной сути, в которой заключена национальная особенность оригинала...”» [Виноградов 2001, 115-116]. Из вышесказанного следует, что переводчик должен в не меньшей степени (если не в большей), чем автор, обладать качествами художника, превосходно знать и чувствовать не только тот язык, на котором написано произведение, но и тот язык, на который это

произведение переводится, понимать культуру не только своего народа, но и культуру другой страны.

Проведенный в данной главе анализ слов-реалий помог нам сделать некоторые выводы относительно близкородственных отношений русского и чешского языков. Несмотря на то, что слова-реалии, как правило, не имеют эквивалентов в других языках, мы предполагали, что нам удастся обнаружить достаточное количество общеславянских реалий, но результаты анализа показали, что доля лексических эквивалентов среди рассмотренных нами слов крайне мала (*горлица, каганец, каравай*). Кроме того, мы зафиксировали межязыковые омонимы (см. *хата, жупан*) и многозначные слова (см. *казак, казачка*), где в некоторых случаях наблюдается несовпадение отдельных значений (например, в русском языке у лемемы *казак* отсутствует значение *тот, кто пасет коз*), что можно назвать явлением языковой дивергенции. Таким образом, несмотря на то, что русский и чешский язык принадлежат к славянской группе языков, нам удалось обнаружить больше расхождений между ними, чем сходств. Вероятнее всего, такое положение дел обусловлено экстралингвистическими факторами, в частности, тем, что Чехия подвергалась многократному влиянию со стороны Германнии и Австро-Венгрии, вследствие чего национальный чешский язык был низведен до уровня диалекта в эпоху так называемой «тьмы».

2.2. Фразеологические единицы

Прежде чем приступить к анализу конкретных фразеологических единиц (далее ФЕ), необходимо коротко остановиться на вопросе об объеме данного понятия. Несмотря на то, что фразеология на сегодняшний день является крупным разделом языкознания с большим корпусом теоретических исследований, затруднительно четко сформулировать определение самой фразеологии и того, что мы называем фразеологическими единицами, т.к. «по вопросу о сущности фразеологического оборота как языковой единицы

среди ученых до сих пор нет единого мнения» [Шанский 1996, 21]. Более того, «даже очень близкие по своим “фразеологическим позициям” ученые (В.Л. Архангельский, С.Г. Гаврин, Л.И. Ройзензон, В.Н. Телия и др.) определяют фразеологизм как языковую единицу и фразеологию как науку неодинаково» [там же, 33]. В задачи данной работы не входит анализ всей существующей литературы по фразеологии и предложение новой концепции данного явления, однако здесь необходимо объяснить то, что мы будем подразумевать под понятием «фразеологические единицы языка». Вслед за Н.М. Шанским, фразеологическим оборотом мы называем «воспроизводимую в готовом виде единицу, состоящую из двух или более ударных компонентов словного характера, фиксированную (т.е. постоянную) по своему значению, составу и структуре» [Шанский 1996, 22]. По мнению ученого, совокупность таких признаков как 1) воспроизводимость; 2) постоянство в значении, составе и структуре; 3) наличие двух и более основных ударений; 4) осознание каждого компонента как отдельного слова говорящим свидетельствует о том, что перед нами фразеологизм. Отсутствие у языковой единицы хотя бы одного признака из четырех говорит о том, что она не является фразеологизмом [там же, 32-33]. Из этого следует, что некоторые образные средства языка (например, сравнения и эпитеты), которые постоянно используются в художественной речи (так называемые поэтические штампы и литературные клише), также являются фразеологическими единицами, если они не являются индивидуально-авторскими (которые, к слову, со временем также могут превратиться в ФЕ, став афоризмами или крылатыми выражениями).

Определившись с содержанием понятия «фразеологическая единица», следует сказать о той важной роли, которую они играют в передаче национально-культурной информации, ведь фразеологический состав языка, по меткому определению В.Н. Телия, является зеркалом, «в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [Телия 1996, 9] и, по общепризнанному мнению, представляет

собой наиболее самобытное явление языка [Ройзензон 1977, 116]. Как пишет Е.Ф. Арсентьева, «национально-культурная специфика фразеологизмов может проявляться на трех уровнях: 1) в совокупном фразеологическом значении, 2) в значении отдельных лексических компонентов, 3) в прямом значении свободного словосочетания, которое было образно переосмыслено (т.е. в прототипах ФЕ)» [Арсентьева 2006, 123]. Имеется в виду то, что первая группа состоит из так называемых безэквивалентных ФЕ, для которых нет фразеологических соответствий в других языках, но которые можно объяснить через лексический перевод, т.к. сами концепты, передающие семантику фразеологизма, наличествуют в языковой картине мира другого этноса (например, фразеологизм *бедный родственник* и свободное английское сочетание *a poor relation*). Вторая группа состоит из фразеологизмов, имеющих в своем составе ярко выраженный национально-культурный компонент (например, фразеологизм *Вяземская лавра*). Третья группа – это ФЕ, которые когда-то являлись свободными сочетаниями, но впоследствии были образно переосмыслены и преобразовались в носителей национально-культурной семантики (например, *have kissed the blarney stone / the Blarney Stone*³ – быть льстецом. Согласно легенде, камень из замка Бларни дарует способность льстить тому, кто его поцелует). Как видно из примеров, данное деление нельзя считать бесспорным, т.к. *Blarney Stone* можно считать своеобразной реалией, следовательно, этот фразеологизм может одновременно относиться ко второй и к третьей группам. Кроме того, автор, ссылаясь на работу В.А. Масловой «Лингвокультурология», также высказывает предположение, с которым мы не можем согласиться: «В то же время нельзя преувеличивать роль национально-культурного компонента во фразеологической картине мира. Во фразеологических системах русского и английского языков существует значительное количество

³ Все примеры были взяты из работы: Арсентьева Е.Ф. Национально-культурная специфика фразеологических единиц // III Международные Бодуэновские чтения: И.А.Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23-25 мая 2006 г.): труды и материалы: в 2 т. / Казан. гос. ун-т; под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. Т.2. С. 122–124.

интернационализмов, а также фразеологизмов, связанных с общечеловеческим знанием о свойствах реального мира. Отличия в их образной основе объясняются «не столько их культурным своеобразием, сколько несовпадением техники вторичной номинации в разных языках»». Если мы обратимся к первоисточнику, то обнаружим там некоторое противоречие: «Однако не все ФЕ могут стать носителями культурно-национальной информации. Много в славянских языках фразеологизмов, которые связаны с общечеловеческим знанием о свойствах реалий, вошедших в образное основание... Отличие их от подобных в других языках объясняется не столько их культурным своеобразием, сколько несовпадением техники вторичной номинации в разных языках. Например, китайские выражения проточная вода не гниет (в значении – бесполезность, бесцельность действий) и в дверной петле червь не заводится (в значении – надежда на благополучный исход, уверенность в нем) по-русски звучат: как мертвому припарки и как дважды два, комар носу не подточит, т.е. имеют иное образное основание в русском языковом сознании. Но если учесть, что и эти фразеологизмы основаны на образно-метафорических смыслах, то и они участвуют в формировании языковой картины мира и различаются в культурно-национальном отношении. Отсюда вывод, что, хотя и с некоторой натяжкой, их можно считать носителями культурной информации» [Маслова, http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/maslova/04.php]. На наш взгляд, здесь нет никакой «натяжки», т.к. сам способ вторичной номинации уже зависит от национальных особенностей той или иной лингвокультурной общности, и благодаря различиям в образных основаниях ФЕ мы можем судить о различиях в ментальности двух этносов.

Несмотря на то, что предложенная выше классификация ФЕ с национально-культурным компонентом, как нам кажется, не является бесспорной, мы все же возьмем ее за основу для анализа встретившихся нам ФЕ в тексте, а также отдельно рассмотрим фразеологизмы, отличающиеся образным основанием в русском и чешском языках.

Таким образом, из всей повести Н.В. Гоголя мы отобрали более пятидесяти ФЕ, из которых только шестнадцать оказались национально маркированными. Так, четыре ФЕ содержат НКК в совокупном фразеологическом значении (*залить свое горе* – *ulít svůj žal*; *подпускать турусы* – *sázet rúžičky*; *провозить пона в решете* – *že svést popa v řešetě*; *щука хвостом лед расколотила* – *štika ocasem roztloukla led*); один фразеологизм (*ни аза* – *peroznají ani a*) содержит НКК в значении отдельных лексических компонентов; пять ФЕ содержат НКК в своих прототипах (*горючие слезы* – *horké slzy*; *избушка на курьих ножках* – *chaloupka na kuřích nožkách*; *красная девушка* – *hezke děvče*; *рассыпались перед ними мелким бесом* – *obletoval, jak jim podkuřovali*; *хоть святых выноси* – *to je hotově boží dopuštění*). Остальные шесть ФЕ имеют свои соответствия в чешском языке, однако обладают разными образными основаниями (*насилу ноги унёс* – *tak tak že vyvázl se zdravou kůží*; *словно павы* – *jako labutě*; *такой-сякой намазанный* – *takový a takový, medový a maslový*; *узнали, что это за птица* – *věděli už, co je to zač*; *унес ноги бог знает куда* – *že by se radši viděl někde za horama*; *Царство ему небесное* – *dej mi Pánbůh věčnou slávu*).

Рассмотрим теперь все случаи более подробно. Начнем с фразеологизмов, где НКК выражается в совокупном фразеологическом значении. В историко-этимологическом словаре мы не нашли сведений о происхождении фразеологизма *залить свое горе*, однако его отсутствие в других языках (а также наш языковой опыт) подсказывает нам, что в нем отражается такое качество русских людей, как неумение стойко переносить жизненные трудности и желание заглушить свою боль с помощью алкоголя. Чехия также славится своей любовью к алкоголю и, по данным некоторых социологических исследований, даже обгоняет в этом отношении Россию, однако в чешском языке нет фразеологизма, который бы соответствовал русскому, но из-за близости менталитетов лексический перевод *ulít svůj žal* должен быть понятен любому чеху, иначе переводчики воспользовались бы иным способом передачи данной ФЕ.

Фразеологизм *подпускать турусы* (рассказывать небылицы) мы отнесли к национально-маркированным, т.к. не обнаружили его в других языках. Помимо этого, одна из трактовок его происхождения наводит нас на мысль о языческих славянских идолах: «Происхождение фразеологизма связано с *турусами* – идолищами, болванами, которыми в старину справляли праздники. При этом идолище развозили на колесах и рассказывали то, чему уже никто не верил» [Русская фразеология 2005, 703]. В чешском тексте данный оборот передан с помощью сочетания *sázet ružičky*, которое дословно можно перевести как *сажать розочки*. К сожалению, мы не обнаружили это выражение в доступных нам словарях. Скорее всего, это сочетание является фразеологизмом, т.к. его значение не выводится из отдельных его компонентов, и, вероятно, оно является нераспространенным. С другой стороны, мы можем иметь дело с авторским образованием, построенным по фразеологической модели.

Следующая ФЕ вызывала затруднения, вероятно, еще у современников Н.В. Гоголя, т.к. сам автор счел нужным дать ее толкование в сноске к повести (*провозить попа в решете*, т.е. солгать на исповеди). Переводчики полностью продублировали это сочетание, воспользовавшись калькированием (*že svést popa v řešetě* tj. *lhát při zpovědi*). Возможно, само выражение *провозить попа в решете* мало о чем говорит чехам, т.к. даже русские затрудняются в интерпретации данного образа. По всей видимости, это какая-то украинская пословица, т.к. мы не смогли обнаружить ее ни в одном русском словаре.

Следующая ФЕ *щука хвостом лед расколотила* соотносится с славянским месяцесловом и обозначает конец марта - видимо, именно по этой причине чешские переводчики передали это выражение при помощи калькирования (*štika ocasem roztloukla led*).

Следующий фразеологизм, который мы рассмотрим, содержит в своем составе старославянское название буквы *А – Аз*. Наименование данной буквы встречается в нескольких ФЕ: *ни аза (в глаза) не знать* (совсем ничего не

знать) и *от аза до ижицы* (от начала до конца). Известно, что чешский и русский алфавиты имеют разные источники (чешский восходит к латинскому письму, а русский к кириллическому), поэтому название старославянской буквы в чешском варианте фразеологизма *ни аза* будет непонятным чешскому читателю. Несмотря на то, что у русского фразеологизма имеются эквиваленты в чешском языке (*nemít ani ponětí nebo tušení o čem* [RČS, <http://slovník.slu.cas.cz/slovník/main/Main.html>]), переводчики решили прибегнуть к лексическому переводу – *neroznájí ani a*. Нам остается предположить, что переводчики, будучи чехами по национальности, выбрали наилучший вариант передачи русского фразеологизма, т.к. в отличие от ФЕ, представленных в словаре, *neroznájí ani a* напоминает своим компонентным составом полный русский фразеологизм *ни аза не знать*, и тем самым при неизбежной утрате колорита сохраняет хотя бы его структуру.

Рассмотрим теперь фразеологизмы, НКК которых содержится в их прототипах.

В теории перевода общепризнанным является тот факт, что фразеологизм, обладающий национально-культурным колоритом, не может иметь в других языках полного эквивалента. Вероятно, здесь не учитывается тот факт, что такой национально-культурный компонент может быть общим у нескольких народов, объединенных по тем или иным признакам. Так, по данным историко-этимологического словаря «Русская фразеология...» А.К. Бирих, ФЕ *избушка на курьих ножках* может иметь общеславянское происхождение: «В образовании оборота сыграл свою роль древний обычай, известный у славян, – выставлять гробы со своими мертвецами у дорог на четырех палках. Вполне вероятно, что палка с перекладиной внизу могла напоминать птичью ногу куда больше, чем волчью или медвежью» [Русская фразеология 2005, 269]. Конечно, в словаре имеются и другие трактовки происхождения данного фразеологизма, связанные именно с русской культурой, в частности, упоминается его фольклорный генезис: образное название избушки Бабы Яги. Тем не менее, выражение *chaloupka na kuřích*

nožkách зафиксировано в чешско-русском словаре под редакцией Л.В. Копецкого [Чешско-русский словарь 1976, т. 1, 333] с пометой *сказочное* и соответствует русскому по всем параметрам. Кроме того, данное выражение было обнаружено в национальном корпусе чешского языка.

Сочетание *красная девушка* (чаще *красна девица*) в русском языке некогда являлось свободным сочетанием: «Эпитет *красный* не обозначает здесь цвета, а сохраняет древнее славянское значение “красивый”. *Красная девка* (*девица*) в народной речи – “красавица”. оборот – устойчивое обозначение молодой красавицы из простонародья, часто употребляемое в фольклоре. Фольклорная формула в русской речи превратилась в идиому и перешла в литературный язык уже в XVIII в.» [Русская фразеология 2005, 177]. В чешском языке данный оборот передан достаточно нейтрально с помощью свободного сочетания *hezke děvče*. Таким образом, в переводе не сохраняется ни намек на фразеологизм, ни его национально-культурная составляющая, хотя в чешском языке, согласно RČS, есть такое выражение, как *krásná panna* с пометами *устаревшее* и *поэтическое*, что вполне соответствует русскому варианту (см. словарную статью «красный» в RČS).

Следующее сочетание *горючие слезы* также является своего рода фольклорной формулой, без которого сложно представить любое произведение русского народного творчества. Как оказалось, выражение *horké slzy* является свободным в чешском языке, которое справляется с передачей значения русского фразеологизма, но тот фольклорный и сказочный колорит, которой ощущается русскими читателями, выветривается из чешского перевода.

ФЕ *хоть святых выноси* со значением *нет сил что-либо терпеть* также обладает национально-культурной составляющей, которая отражена в прототипе фразеологизма: «*Святые* – это иконы в древнерусском обиходе (ср. *святцы*). Суть поговорки *хоть святых выноси* заключается в древнем культовом убеждении, что почтение к иконе должно оберегать ее от созерцания всего непристойного, греховного или от присутствия при

неприличных событиях. *Выносить святых* или хотя бы задёргивать икону в углу особой занавеской, как это было принято у старообрядцев, – такие меры принимались верующими, чтобы святые не видели творимых людьми безобразий: пьянства, драк, домашних дразг» [Русская фразеология 2005, 630]. В чешском языке данная ФЕ передана с помощью фразеологического сочетания слов *to je hotově boží dopuštění*, которое можно перевести как *это настоящий ужас* или *ужас, что творится*. Наличие лексемы *boží* в чешском варианте наводит на мысль о том, что переводчики пытались найти наиболее подходящее соответствие, чтобы передать не только содержание, но и сохранить хотя бы часть национального колорита.

Происхождение фразеологизма *рассыпаться мелким бесом* (всячески угождать, льстить кому-либо) имеет несколько трактовок, одна из которых указывает на общеславянское происхождение: «В мифологической системе славян существовала своеобразная иерархия. К самым низшим чинам этой иерархии относились “мелкие бесы” – чертенята. В соответствии с таблицей о рангах, чем мельче бес, тем услужливее и угодливее он должен себя вести. Отсюда и переносный смысл выражения *рассыпаться мелким бесом...*» [Русская фразеология 2005, 50]. К сожалению, в переводе не сохраняется даже намек на фразеологизм. Содержание передано с помощью экспрессивных глаголов *obletovati* (увиваться за кем-нибудь) и *podkuřovati* (льстить).

Теперь коротко остановимся на фразеологических эквивалентах, имеющих разное образное основание в паре рассматриваемых нами языков. Способ вторичной номинации предмета или явления может, на наш взгляд, свидетельствовать об особом миропонимании. Так, русскому человеку гораздо важнее спасти свои ноги (*насилу ноги унёс*), а чеху, по-видимому, главное остаться в здоровой коже (*tak tak že vyvázl se zdravou kůží*). Разница в менталитете русских и чехов определяется также и в эталонном представлении о женщине: для русских женщина с плавной походкой ассоциируется прежде всего с павой – самкой павлина (*плавно, словно павы*),

а у чехов с лебедем (*plavně jako labutě*). В русском варианте мы встречаем ироничное выражение *узнали, что это за птица*, в чешском данное выражение заменено нейтральным относительным фразеологическим эквивалентом *věděli už, co je to zač*, которое можно перевести как *узнали, что это за человек*. Компонентный разбор ФЕ *царство ему небесное* и *dej ti Pánbůh věčnou slávu*, помогает нам сделать вывод, что для русских важнее покой и близость к Богу после смерти, а чехам важно, чтобы о них вечно помнили и память эта была доброй. Интересно также рассмотреть выражения *такой-сякой намазанный* (которое в повести Н.В. Гоголя несколько видоизменено) и *унес ноги бог знает куда*. Фразеологизм *такой-сякой намазанный* употребляется вместо оценочных слов, обычно для выражения негативной или бранной характеристики с пометой *шутливое*. В чешском переводе мы наблюдаем сочетание с противоположной оценочностью – *takový a takový, medový a maslový*. Данное выражение по своей форме напоминает фразеологизм, однако мы не обнаружили его ни в одном из доступных нам словарей, поэтому мы не можем утверждать его фразеологическое происхождение. Тем не менее, переводчики уловили интонацию автора, где русский фразеологизм употребляется с иронией и обозначает положительную характеристику через брань, как это часто бывает в разговорной речи русских людей. Для наглядности приведем контекст: «Увидел Корж мешки и – разнежился: “Сякой, такой Петрусь, намазанный! да я ли не любил его? да не был ли у меня он как сын родной?” – и понес хрыч небывальщину, так что того до слез разобрало» [Гоголь 1996, 47].

Выражение *унес ноги бог знает куда* состоит из нескольких фразеологизмов: *уносить ноги* и *бог знает (куда)*. Однако мы рассмотрим его в том виде, в котором оно представлено в повести, т.к. в чешском переводе русским ФЕ соответствует выражение *že by se radši viděl někde za horama*, которое воспринимается целиком. Данное сочетание слов можно перевести как *и видели его за горами*. Таким образом, мы можем предположить, что русский человек не так рационален, как чех, ведь, спасаясь от опасности, он

бежит, не разбирая дороги, лишь высшая сила знает о его местонахождении, и эта высшая сила служит для него защитой. Чех, в свою очередь, предпочтет реальную, а не мистическую защиту: горы выступают здесь как олицетворение чего-то мощного и настоящего. Отсутствие лексемы *Бог* в чешском варианте и наличие ее в русском может свидетельствовать о степени религиозности данных народов.

Таким образом, несмотря на то, что чешский и русский язык являются близкородственными, мы наблюдаем больше различий во фразеологическом составе языков, чем сходств, что может быть обусловлено экстралингвистическими факторами. Данное положение необходимо учитывать на занятиях по РКИ в чешской аудитории.

2.3. Имена собственные

В художественном произведении нет случайных слов, каждая деталь носит концептуальный характер и работает на замысел автора. Имена собственные не являются исключением и входят в образную систему произведения. Иначе говоря, каждое имя собственное обладает собственной семантикой, которая не всегда выражена эксплицитно. Следовательно, имя собственное может являться носителем национально-культурного компонента (особенно это касается так называемых смысловых, или говорящих, имен собственных). Как правило, такие имена вызывают определенные сложности при переводе их на другой язык. Эти проблемы связаны с выявлением сущности данных слов, с определением их функции в тексте исходного языка и с передачей этой сущности в тексте языка перевода. От того, насколько удачно переводчик введет в текст перевода чужое имя собственное, зависит успех сохранения и передачи национального колорита исходного текста.

Как известно, произведения Н.В. Гоголя изобилуют символическими и характеризующими именами собственными и повесть «Вечер накануне

Ивана Купала» не является исключением. В данной части исследования мы остановимся на именах/прозвищах главных персонажей, а также на заглавии самой повести, в основе которого лежит название праздника, т.к. именно данные элементы, как кажется, представляют наибольший интерес в связи с проблемой передачи национального компонента в переводе.

Сперва рассмотрим имена и прозвища главных персонажей. Как следует из таблицы (см. приложение №1), все имена, за исключением одного (Terentij Vác), передаются в языке перевода без изменений, т.е. транскрибируются, что совершенно логично с точки зрения теории перевода: имя, фамилия и отчество, как правило, транскрибируются, прозвище переводится с учетом его смыслового содержания. Однако прозвище в тексте есть не только у Терентия, отца Пидорки, но и у Петра – тем не менее, *Безродный* в чешском варианте выглядит как *Bezrodný*, а не как *Bezdomý*, например. Здесь важно учитывать тот факт, что русский и чешский языки, будучи славянскими, относятся к группе родственных языков – следовательно, в них присутствует общеславянская лексика, существование которой значительно облегчает задачу переводчика. Так, в прозвище *Безродный* выделяется общеславянский свободный корень *rod*. Слово *rod* и приставка *без* наличествуют в чешском языке (ср. *bezvýsledný* – безрезультатный; *rod* – род, фамилия), поэтому перенесение прозвища Петра без изменений не несет семантических потерь, несмотря на то, что в чешском литературном языке нет слова *bezrodný*. Что касается другого прозвища, то нам не удалось обнаружить в чешско-русских словарях лексемы *korž*, поэтому мы склонны думать, что переводчик осознанно избегает транскрипции данного слова, чтобы не потерять его семантического наполнения. По данным словарей и энциклопедий русских фамилий, слово *корж* в Сибири обозначало «иней, заморозь»; в некоторых областях России *коржом* называли пресную лепешку на сале, которую засушивали и брали с собой в дорогу. Учитывая содержание повести и семантику имени (Терентий от лат. – трущий, молотящий (хлеб)), можно предположить, что Терентия

прозвали Коржом в повести потому, что он был человеком с достатком, ведь хлеб является символом благосостояния, а желание Терентия умножать свое богатство выходит в «Вечере...» на первый план, является доминирующей чертой его характера. Мы не знаем, учитывал ли переводчик все вышеописанное, однако очевидно, что он искал говорящий эквивалент данного прозвища. Так, в чешском варианте мы встречаем прозвище *Bác*. В словаре под редакцией профессора Л.В. Копецкого слово *bác* в первом значении переводится как междометие «бух, хлоп; бряк», во втором значении переводится несколькими словами, выражающими удивление: «вот тебе и на/раз». Возможно, тем самым переводчик хотел акцентировать внимание на сцене, когда Терентий впервые застал свою дочь с Петром, ведь появление его могло сравниться с громом, с падением какого-то тяжёлого предмета. Известно, что указанный сюжетный поворот является ключевым моментом в судьбе молодых людей. Кроме того, семантика удивления присутствует как в вышеупомянутой сцене, так и в эпизоде, когда Петр показывает мешки с золотом Коржу. С одной стороны, удивляется Корж, с другой – читатель удивляется тому, как Корж меняет свое отношение к Петру из-за золота.

Обратимся теперь к остальным именам, которые, на первый взгляд, не являются примечательными. Во-первых, имена *Пидорка*, *Ивась*, *Басаврюк* являются носителями национального украинского колорита (ср. Пидорка – рус. Федора, Ивась – уменьшительная форма от рус. Иван, Басаврюк – мифический фольклорный образ). Во-вторых, данные имена обладают еще и культурным контекстом. Так, исследователь В.Д. Денисов пишет: «В повести “Вечер накануне Ивана Купала” союз “Пидорки – Федоры” (греч. “Божий дар”) и “Петро, Петруся – Петра” (греч. “камень”) должен сочетать духовное и физическое, в котором духовное получает надежное основание, опору. Однако от “камня” затем остаются “куча пепла и битые черепки”, ибо Петр получил Пидорку несправедливо, из-за золота лишив жизни ребенка – ее брата. <...> Гоголь... основывается на Евангельском описании предательства Петра, когда тот, по пророчеству Христа, трижды от Него отрекся. С этим,

видимо, и связано устремление Петруся к “дьяволу в человеческом образе, воплощению антихриста” Басаврюку (в первой, журнальной редакции было отчетливее: Бисаврюк)» [Денисов 2008, 16]. Однако информация такого рода не лежит на поверхности: в отличие от говорящих имен, эти имена не характеризуют человека непосредственно: здесь за простой формой скрывается глубокое содержание, которое часто не замечают даже читатели подлинника. Однако если раскрытие имплицитных смыслов не входит в задачи переводчика, то он должен максимально полно передать содержание текста со всей его культурно-национальной спецификой, в том числе он должен сделать так, чтобы скрытые смыслы также по возможности сохранились в переводном тексте.

Обратимся теперь к заглавию повести, которое, являясь значимой позицией в тексте, также несет часть концептуальной информации. Известно, что названия произведений литературы, как и, собственно, текст произведения, должны переводиться, однако перевод не обязан быть дословным. В нашем случае в заглавии содержится имя собственное – название праздника *Иван Купала*. Так как данный праздник является славянским, в чешском языке имеется соответствие – *Kupadelné svátky*, или *Svatojanské svátky* (первое наиболее употребительно). Однако в чешском варианте названия повести Гоголя встречаем иное обозначение данного праздника – «*Večer před svatým Janem*» (дословно «Вечер накануне святого Ивана»). Возможно, что причину, обусловившую выбор переводчика, нужно искать в славянской или христианской мифологии. До сих пор нет единого мнения по поводу происхождения праздника и его названия. Некоторые исследователи (Н.М. Гальковский) считают, что в данном празднике синтезируются языческие и христианские верования, другие (В.Я. Петрухин) оспаривают такую точку зрения и считают, что праздник Иван Купала не имеет ничего общего с язычеством, а само название является славянским вариантом имени святого Иоанна Крестителя, т.к. *креститель* с греческого переводится как *купатель*. Можно предположить, что переводчик хотел

акцентировать внимание именно на христианском аспекте данного праздника и на связанных с ним верованиях, а именно на ритуальном очищении водой, избавлении от грехов. Конечно, в повести все происходит совершенно иначе: вместо очищения от грехов герой грех совершает – убивает невинное дитя, хотя нельзя говорить, что он делает это осознанно («ум помутился»), несмотря на это, происходящее в повести действие противоречит христианскому содержанию праздника, а скорее сближается с языческим его пониманием, согласно которому в этот день вся нечисть выходит наружу. Но нельзя исключать тот вариант, что переводчик хотел с помощью контраста акцентировать внимание именно на грехе, а не на очищении от греха.

Нежелание переводчика воспользоваться более употребительным названием праздника *Kupadelné svátky* может объясняться также и содержанием самой лексемы *svátek* (праздник), вокруг которой сосредотачиваются коннотации веселья, счастья, радости, гуляний и т.п., что могло послужить отвлекающим фактором и вызвать нежелательные ассоциации, запутать читателя, навести на ложные интерпретации.

Анализ имен собственных показал, что между восточнославянской и западнославянской языковыми ветвями, несмотря на существующие различия, сохраняется общее славянское основание, которое пронизывает не только собственно языковой пласт, но и пласт культурный. Наличие общих языковых и культурных элементов может являться дополнительной мотивацией к изучению русского языка в Чехии и будет способствовать стремлению понять существующие межкультурные различия.

2.4. Обращения

Проблемы перевода также нередко касаются и такой категории слов, как обращения, прежде всего потому, что среди них часто встречаются слова-реалии, обладающие характерным национальным колоритом и несущие на себе отпечаток культурно-национальной информации.

Повесть Н.В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала» (как, собственно, и весь цикл «Вечера на хуторе близ Диканьки») пропитана малоросским национальным колоритом, ощущение которого у русского читателя возникает за счет использования соответствующей лексики, в том числе и украинских обращений (*пан, панич, паноче*). По своей сути данные слова относятся к обращениям на уровне обычной вежливости и являются рядовыми в исходном языке, поэтому переводчики нередко заменяют их функциональными эквивалентами в переводном тексте, т.к. в них на уровне повседневного употребления не кроются специфические национальные особенности. Однако дело обстоит иначе в тех случаях, когда автор изображает чуждую для своей страны действительность, используя иноязычные обращения. Н.В. Гоголь в своем цикле создает родной для себя, но не вполне знакомый для русских украинский колорит, используя украинские реалии, обращения и иноязычные вкрапления, о которых речь пойдет ниже. Передача украинских обращений на другой язык в данном случае должна осуществляться посредством транскрипции, чтобы сохранить воссозданный в подлиннике национальный колорит. Однако обращение *пан* характерно не только для украинского языка, но также и для некоторых других славянских языков, в том числе и для чешского. В таком случае происходит утрата колорита, но лишь частичная, т.к. он сохраняется за счет других языковых средств – реалий-слов (в украинском варианте повести и реалии-слова потерялись бы в родной языковой стихии, однако компенсация все равно бы осуществилась за счет самого украинского языка).

Обратимся теперь к чешскому варианту. В русском варианте мы встречаем следующие обращения: *панич* и *паноче*, которые в чешском варианте выглядят как *panáček* и *panáčky*, причем второй вариант является словоформой первого слова: *panáčky* – форма звательного падежа в единственном числе от *panáček*. В словаре Копецкого *panáček* переводится как «кукла, куколка». Как видно, переводчик не транскрибирует формы *панич* и *паноче*, не использует нейтральное обращение *pan*, а вводит сходное

по звучанию слово с иным значением. Для выяснения мотивов такого выбора приведем фрагменты из русского текста, где встречаются данные обращения.

«Раз один из тех господ – нам, простым людям, мудрено и назвать их – писаки они не писаки, а вот то самое, что барышники на наших ярмарках. Нахватают, попросят, накрадут всякой всячины, да и выпускают книжечки не толще букваря каждый месяц или неделю, – один из этих господ и выманил у Фомы Григорьевича эту самую историю, а он вовсе и позабыл о ней. Только приезжает из Полтавы тот самый панич в гороховом кафтане, про которого говорил я и которого одну повесть вы, думаю, уже прочли, – привозит с собою небольшую книжечку и, развернувши посередине, показывает нам» [Гоголь 1996, 38].

«Tak jeden z těch pánů vymámil z Fomy Grigorjeviče zrovna tuhle historku a ten pak na ni docela zapomněl. Jenže potom ten panáček v zelenkavém fráčku, co jsem vám o něm už povídal, a četli jste, myslím, taky jednu povídku od něho –, přijede z Poltavy a přiveze malou knížečku. Otevře uprostřed a ukazuje» [Gogol 1972, 42].

«“Слушай, *паноче!* (курсив Гоголя – Л.В.) – загремел он ему в ответ, – знай лучше свое дело, чем мешаться в чужие, если не хочешь, чтобы козлиное горло твое было залеплено горячею кутьею!”» [Гоголь 1996, 41].

«Poslouchej, panáčku, ‘zahřímá na něho Basavřjuk’, hled si radši svého a neplet se do cizího, jestli nechceš mít ten svůj kozlí krk zacpaný horkou kaší!» [Gogol 1972, 44].

Нетрудно заметить, что в обоих случаях слова *панич* и *паноче* употреблены иронически, что особенно подчеркивает авторский курсив во втором случае, поэтому нейтральное чешское *pán*, которое употребляется при вежливом обращении, нарушило бы авторскую интонацию и привело бы к неадекватному восприятию текста чешской аудиторией. Вместо этого переводчик прибегает к языковой игре, используя слово со сходным написанием и звучанием, но иной семантикой, подчеркивая тем самым отношение рассказчика (в первом случае) и Басаврюка (во втором) к объекту

своего разговора. В случае нейтрального употребления в тексте оригинала иноязычных обращений переводчик сохраняет тон повествования и в переводе.

«Начали жить Пидорка да Петрусь, словно пан с панею» [Гоголь 1996, 48].

«Pidorka s Petrem si začali žít po pansku» [Gogol 1972, 51].

Кроме того, следует отметить, что Гоголь использует украинские обращения не во всех случаях, и наряду с ними употребляет также русское *господин*. В таких случаях переводчик заменяет данные слова функциональным аналогом, т.к. данные выражения не несут на себе отпечатка национального колорита.

Результаты, полученные на основе анализа обращений, могут свидетельствовать о мастерстве переводчиков, об их чуткости не только к русскому, но и к украинскому языку, в связи с чем хочется снова сделать акцент на общеславянских корнях и близости культур. Кроме того, здесь также может найти свое отражение такая национальная особенность чешского характера, как веселье и отличное чувство юмора [Zeykan 2013, 18], которое помогает лучше чувствовать иронию и смех в аутентичном тексте и передавать их в переводе.

2.5. Субстандартная и разговорная лексика

Повесть Н.В. Гоголя в свое время неоднократно подвергалась различным правкам со стороны редакторов. В частности, главный редактор «Отечественных записок» П.П. Свиньин старательно вычищал из повести Гоголя просторечные слова и украинизмы, после чего писатель отказался печататься в его журнале. Благодаря такой принципиальной позиции, Гоголь известен не только как великий русский писатель, но и как демократизатор русского литературного языка, а его произведения отличаются удивительной живостью и сполна передают национальный колорит. Вопреки опасениям П.П. Свиньины, повесть Гоголя не выглядела вульгарной и грубой из-за

обилия разговорной, просторечной и областной лексики, напротив, «Вечера на хуторе...» покорили русских читателей своей самобытностью. Попробуем теперь понять, насколько удалось передать данную самобытность чешским переводчикам и какие средства были для этого использованы.

Начнем с того, что в повести очень много разговорной лексики, которая, хотя и относится к литературному языку, тем не менее оказывает определенное воздействие на русского читателя и делает язык повествования более живым (например, *восвояси*, *голь*, *зашептывать*, *обморочить*, *невидальщина*, *бесовщина*, *писака*, *старичина* и т.д.). Однако основной колорит создается за счет именно просторечных элементов и диалектизмов. Соответственно, переводчик, подчиненный воле автора, должен дать понять читателю, что в тексте присутствует ненормативная лексика, должен создать необходимую атмосферу и донести до читателя цель использования подобных слов и выражений – точнее, перевод необходимо выполнить так искусно, чтобы читатель сам это понял. При этом совершенно необязательно, чтобы каждое просторечное слово оригинала было заменено просторечным словом языка перевода, скорее, это даже недопустимо. В теории перевода вообще существует аксиома, согласно которой диалектное слово нельзя переводить диалектным словом другого языка, и здесь на помощь приходит просторечие, однако и с такими заменами нужно быть осторожным – словом, в переводе требуется некоторая умеренность. Такая умеренность чувствуется и в чешском переводе. Мы проанализировали имеющуюся в повести субстандартную и разговорную лексику и пришли к выводу, что чаще всего переводчики прибегают к нейтральным заменам просторечных элементов и разговорной лексики (*быль* (устар.; разг.) – *příběh ze starých časů*; *сызнова* (простореч.) – *podruhé*; *в боки* (простореч., ирон.) – *v bok*; *писака* (разг., презр.) – *písař*; *разуметь* (устар., разг.) – *vyznati se* («грамоту разумею» – «čtení vyznám»); *братья* (*братия*) (разг., фам., устар.) – *našinec nuzák*; *нынешний* (разг.) – *dnešní*; *жид* (презрен.) – *žid* (нейтр.); *крылос* (простореч.)

– *kůr*; *девка* (устар., простореч.) – *děvče*; *раздобаривать* (южн.) – *rovídati se*; *примеркать* – *smrákati se*; *кручина* (нар., поэт.) – *soužení*; *голубки* (разг.) – *holoubky*; *прямохонько* – *rovnou cestou*; *сивуха* (простореч.) – *kořalka*; *насилу* (разг.) – *konečně*; *яр* – *strž*; *голь* (разг., фам., устар.) – отсутствует в чешском переводе; *захолонуло* (обл.) – *dech zatajil*; *недвижно* (разг. сниж.) – *strnule*; *в сердцах* (разг.) – *rozzlobeně*; *понес* (разг.) *небывальщину* (разг.) – *toho napovídal*; *мешкать* (разг.) – *otálet*; *подбоchenуться* (разг.) – *opřít se ruce v bok*; *скотина* (разг.) – *dobytek*; *эдакое* (простореч.) – *taková*; *штуки* (разг., фам.) (в значении *выходки*) – *kejkle*; *знахари* (обл.) – в чешском варианте опущено; *вокруг не шелохнёт* (обл.) – *kolem ani hlásku*; *дурнота* – в чешском варианте опущено; *защептывать* (разг., сниж.) – *zaříkávati*; *полоумный* (разг.) – *šílenec*; *восвояси* (разг., ирон.) – *domů*; *даром, что* (разг.) – *marně*; *гуляка* (бран., разг., сниж.) – *svatebčan*; *покамест* (простореч.) – *dokud* и т.д.).

Следующим по частотности применения становится прием замены слов одной категории (например, просторечное, фамильярное, бранное и т.д.) на другие, относящиеся к тем же самым (или иным) категориям (*барышник* (устар.) – *handlíř* (простореч.); *балагур* (разг.) – *brebta* (экспр., неодобр.); *страх заберет* (перен. разг.) – *nahnalo* (простореч.) *strachu*; *невидальщина* (разг., устар.) – *nevídaná* (разг., ирон.); *дьявольская рожа* (простореч.) – *huba* (груб.) *d'ábelská*; *разнежиться* (разг., ирон.) – *hned být naměkko* (перен., экспр.); *старичина* (разг., фам.) – *dědouš* (экспр.); *сорвиголова* (разг.) – *třeštidlo* (экспр.); *дуреть* (простореч.) – *vuvádět* (экспр.); *ералаш* (разг., фам.) – *mela* (экспр., простореч.); *спал... без просыпу* (разг., сниж.) – *tvrdě spal* (перен.); *мало-помалу* (разг.) – *ale po chvíli se pomaličku* (экспр.); *сени* (устар., обл.) – *síni* (устар. и нар.); *калякать* (простореч., фам.) – *klábosit* (экспр.); *выпучить глаза* (простореч.) – *vuvalit oči* (разг.); *куды!* (обл., простореч.) – *ale kderak!* (экспр.); *переполох* (в значении *испуг*) (диалект) – *uhranutí* (разг., нар.); *старый хрен* (груб., простореч.) – *dědka* (как правило, неодобр.); *вкинуть* (в значении *добавить что-то в разговор, в рассказ*) – *vrálití* (экспр.); *гульничать* (простореч., неодобр.) – *chodit flámovat* (простореч.,

неодобр.); *остолбенеть* (разг., по Ушакову, а по Ожегову – нейтр.) – *strnouti* (разг.); *сдуру* (простореч.) – *na potvoru* (простореч.).

В переводе также встречаются единичные случаи замены нейтральной лексики на просторечную, например, слову *свадьба* соответствует чешское просторечное *veselka*. Нельзя не отметить, что в чешском варианте также встречается и диалектное слово *čížtu*, которое соответствовало нейтральному *сапоги*, кроме того, мы столкнулись со словами, которые не смогли обнаружить ни в одном доступном нам словаре (*frnousy*, *lebení*), поэтому не исключено, что и данные слова могут быть диалектизмами. Мы уже говорили, что существует негласное правило не вводить диалектизмы в перевод, а заменять их просторечными словами, однако здесь переводчик пренебрег данным правилом и этим акцентировал внимание чешского читателя на данном слове, тем самым нарушив волю автора, но с другой стороны, если слова *frnousy* и *lebení* тоже являются диалектными, то такое ненавязчивое введение нескольких диалектизмов может намекнуть читателю на наличие таковой лексики и в оригинале, хотя меньшей потерей, на наш взгляд, было бы все же отсутствие диалектных слов в переводе.

Подводя черту, следует отметить профессионализм чешских переводчиков, которые постарались минимизировать неизбежную утрату национального колорита. Несмотря на преобладающее количество нейтральных замен, колорит сохраняется за счет небольших вкраплений просторечной и разговорной лексики чешского языка, умело расставленных по всему тексту повести так, чтобы не затруднять восприятие чешского читателя и по возможности не делать ненужных акцентов. Кроме того, нельзя забывать, что в повести наличествует большое количество слов-реалий – основных носителей культурно-национального компонента, и других элементов, передающих национальный и культурный колорит. Важно также отметить, что анализируемый в данной главе материал будет полезен на занятиях РКИ в чешской аудитории при изучении стилистических синонимов.

2.6. Иноязычные вкрапления

Русские писатели XVIII – XIX вв. довольно часто прибегали к иностранным заимствованиям в своих книгах для того, чтобы придать своему произведению особый колорит, или для характеристики своих персонажей. Мы обращаемся к данной категории слов в нашей работе именно потому, что в повести «Вечер накануне Ивана Купала» такие вкрапления играют немаловажно роль в создании украинского колорита.

Болгарские ученые С. Влахов и С. Флорин отмечают, что «в мировой литературе наблюдается в основном два подхода в отношении иноязычных вкраплений в подлиннике: 1) автор вводит их без пояснений, рассчитывая, по-видимому, на контекстуальное осмысление и подготовку читателя, или же, считая их элементами колорита, атмосферы, для ощущения которых не обязательно их смысловое восприятие, иной раз даже мешающее, т.е. важна форма, а не вложенная в нее информация, и 2) автор тем или иным путем доводит до читателя их значение» [Влахов, Флорин 1980, 265].

Теперь обратимся к повести Н.В. Гоголя и рассмотрим случаи введения им иностранных вкраплений.

«Плюйте ж на голову тому, кто это напечатал! *бреше, сучий москаль*. Так ли я говорил? *Що то вже, як у кого черт-ма клепки в голови!* (курсив Н.В. Гоголя – Л.В.) Слушайте, я вам расскажу ее сейчас» [Гоголь 1966, 39].

«Уж не чета какому-нибудь нынешнему балагуру, который как начнет *москаля везть*⁴ (курсив и сноска Н.В. Гоголя – Л.В.), да еще и языком таким, будто ему три дня есть не давали, то хоть берись за шапку да из хаты» [Гоголь 1966, 39].

Все случаи иностранных вкраплений в данном произведении даны в начале повествования, чтобы не отвлекать от основного сюжета, они служат, по-видимому, именно для придания ему особого колорита. Кроме того, все вкрапления выделены курсивом, тем самым привлекая внимание читателя.

⁴ То есть лгать.

Как видим, только в одном случае разъясняется смысл украинской фразы, остальные вкрапления оставлены без объяснений. Болгарские ученые отмечали, что «автор вводит их без пояснений, рассчитывая, по-видимому, на контекстуальное осмысление и подготовку читателя, или же, считая их элементами колорита, атмосферы, для ощущения которых не обязательно их смысловое восприятие, иной раз даже мешающее, т.е. важна форма, а не вложенная в нее информация» [Влахов, Флорин 1980, 265]. Действительно, фраза *бреше, сучий москаль* понятна даже современному русскому читателю, а вот второе украинское вкрапление (*Що то вже, як у кого черт-ма клепки в голови!*), хотя и непонятно для современного россиянина (но, возможно, данное выражение могло быть понятно современнику Гоголя), создает ощущение аутентичности, указывает на эмоциональное состояние героя и, конечно же, добавляет национальный колорит. Все это читатель понимает, несмотря на то, что смысл фразы для него остается сокрытым, хотя контекст и некоторые слова в самой фразе все же намекают на ее содержание. В переводе на чешский язык данные вкрапления не сохранены. Возможно, что переводчик отказался от идеи переносить украинские вкрапления в чешский текст потому, что кириллица большей частью незнакома даже родственным славянским языкам, ведь чешский язык использует именно латиницу (к слову, в английском варианте данные вкрапления также опущены). Здесь также важно учитывать тот факт, что перевод повести Н.В. Гоголя на чешский язык выполнен профессионально, с учетом разных аспектов, и очевидно, что переводчик опустил данные вкрапления во избежание еще больших потерь, чем при сохранении украинской лексики, ведь транскрибируя данные фрагменты, переводчик привлек бы лишнее внимание чешского читателя к данным словам, что явно бы противоречило замыслу Н.В. Гоголя, так как украинские вкрапления нужны здесь исключительно для создания особой атмосферы, для привнесения национального колорита. Важно помнить, что сама повесть изобилует лексикой с НКК (слова-реалии, субстандартная лексика, фразеологизмы, обращения, имена собственные и

др.), чем и воспользовался переводчик для передачи национального колорита повести, поэтому опущение украинских вкраплений некритично сказалось на данном аспекте перевода. Результаты, полученные в ходе анализа иноязычных вкраплений, свидетельствуют о наличии таких расхождений в славянских языках, которые могут затруднять понимание даже в рамках одной (в нашем случае восточнославянской) языковой ветви.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прежде чем приступить к сопоставительному анализу повести Н.В. Гоголя и ее перевода на чешский язык для выявления межъязыковых и межкультурных параллелей, а также основных национально-культурных различий, мы изучили вопрос взаимосвязи языка и культуры, рассмотрели концепцию слова как вместилища знаний и попытались установить объем понятия «лексика с национально-культурным компонентом». В процессе работы над теоретической главой мы пришли к следующим выводам:

1. Взаимообусловленность языка и культуры делает невозможным постижение одного из этих элементов изолированно от другого, поэтому овладение иностранным языком не может проходить в отрыве от познания культуры носителей этого языка – и наоборот: нельзя полностью изучить культуру какой-то страны, не имея представления о языке данной национальной общности.

2. Отсюда особую важность приобретают исследования, направленные на изучение национально-культурной лексики, целью которых является разработка способов передачи национально-культурной информации от одной этнической общности к другой для устранения межкультурного барьера.

3. Данные исследования показывают, что даже самые универсальные концепты (*дом, семья, любовь, жизнь, смерть* и т.д.) не могут быть полностью эквивалентными в разных языках и культурах, поэтому девяносто процентов лексики содержит в себе национально-культурный компонент. Однако следует различать слова, где НКК выражен в денотате, и слова, где НКК сосредотачивается в коннотате. Большая часть нашей работы посвящена анализу лексики, где НКК сосредоточен в денотате.

Сопоставление русского и чешского текстов повести Н.В. Гоголя было предпринято нами во второй главе данного исследования с целью выявления специфики функционирования национально и культурно маркированной

лексики в оригинале и переводе. Всего нами было обнаружено сто пятнадцать языковых единиц, содержащих НКК. Из них тридцать одно слово относится к группе «слова-реалии», шестнадцать единиц являются фразеологизмами, шесть единиц представляют имена собственные, одно слово является обращением, пятьдесят восемь лексем относятся к субстандартной и разговорной лексике и три единицы являются иноязычными вкраплениями. Мы полагаем, что обилие субстандартной и разговорной лексики, а также слов-реалий обусловлено характером самой повести, где описывается быт казаков и их обычаи. Кроме того, необходимо помнить, что Н.В. Гоголь был одним из демократизаторов русского литературного языка, благодаря которым русская литература, несомненно, стала богаче и разнообразнее.

На основе проведенного сопоставления мы попытались понять основные сходства и различия в лингвистической картине мира русских и чехов. Результаты анализа помогают сделать следующие выводы:

1. Несмотря на то, что русский и чешский язык принадлежат к славянской группе языков, нам удалось обнаружить больше расхождений между ними, чем сходств. Это еще раз подтверждает тезис о том, что западнославянская ветвь, в отличие от южнославянской, менее близка восточнославянской ветви. Мы предполагаем, что такое положение дел также обусловлено экстралингвистическими факторами, в частности, тем что Чехия постоянно испытывала на себе германское влияние, вследствие чего национальный чешский язык был низведен до уровня диалекта в эпоху так называемой «тьмы».

2. Тем не менее, благодаря усилиям «будителей», которые с нуля возрождали чешский язык, мы все же ощущаем его славянское происхождение, о чем свидетельствуют общеславянские лексемы (*holoubky*, *strach*, *děvče* и др.) и даже реалии (*горлица*, *каганец*, *каравай*), хотя анализируемый материал в большом количестве предоставляет и примеры языковой дивергенции (*xata* – *chata*, где чешское слово переводится как

дача, туристическая база (в горах), гостиница, пансионат (в горах); жупан – *župan*, где последнее в чешском языке обозначает, с одной стороны, управляющего жупой (административным округом), а с другой – халат или яблоки, запеченные в тесте).

3. Анализ фразеологического состава повести не только выявил различия языкового плана, но и помог осознать разницу в менталитетах русского и чешского народов, которая становится явной благодаря отличиям в образных основаниях фразеологизмов (например, *царство ему небесное* и *dej ti Rábnůh věčnou slávu*). Однако следует отметить, что в относительно небольшом тексте (по сравнению со всем фразеологическим фондом сравниваемых языков) нам удалось обнаружить полный эквивалент (*избушка на курьих ножках* – *chaloupka na kuřích nožkách*), что свидетельствует о безусловно существующих культурных и языковых параллелях. Это может быть полезным при обучении РКИ в чешской аудитории и наоборот.

Здесь также важно иметь в виду то, что выводы, полученные в ходе нашего исследования, не следует абсолютизировать. Они могут не совпадать с выводами, полученными на основе общего сопоставления русской и чешской лексики, т.к. наш анализ ограничивается рамками русского и чешского текста повести Н.В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала».

На основе результатов сопоставления русского и чешского вариантов повести Н.В. Гоголя мы можем дать следующие рекомендации по использованию материалов данного произведения на занятиях по РКИ в чешской аудитории:

1. Повесть «Вечер накануне Ивана Купала» не является обязательной в программе изучения РКИ, однако мы бы посоветовали обращение к данному произведению иностранцам-филологам (уровень С1 – С2) с целью углубления своих знаний в области не столько русской, сколько славянской культуры.

2. Обилие национально специфичной лексики в повести будет способствовать более глубокому познанию чужой культуры и формированию

лексической и межкультурной компетенции. Для лучшего понимания текста иностранцами необходимо использовать элементы лингвострановедческого анализа: введение лексики с НКК в предтекстовые задания для первичной семантизации, использование лексики с НКК в притекстовых и послетекстовых заданиях для вторичной семантизации и закрепления материала.

3. Важно помнить, что наличие общеславянских лексем может не только помочь в изучении русского языка как иностранного, но и вызвать определенные трудности из-за расхождения значений в процессе языковой дивергенции (например, в сознании чешского читателя, при обнаружении в тексте слова *казак* может реализоваться значение «тот, кто пасет коз», которого нет в русском языке).

4. При изучении данной повести на занятиях РКИ в чешской аудитории можно воспользоваться материалами данного исследования, т.к. практическая часть построена в виде комментария с элементами лингвострановедческого и культурологического анализа.

В заключение хочется отметить, что художественный текст является не только прекрасным материалом для освоения лексики, грамматики и синтаксиса изучаемого языка, но он также является и эффективным средством борьбы с национальными стереотипами и предрассудками, которые зачастую мешают нам в принятии другой точки зрения на мир.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ТАБЛИЦА «ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «ВЕЧЕР НАКАНУНЕ ИВАНА КУПАЛА»»

Слова-реалии (31 ед.)	Бандуры – bandury. Вершок – palec. Горлица (танец) – hrdlička. Дрибушки – sor. Жупан – kozacký kaftan. Каганец – kahánek. Кафтан – fráček. Кобза – bandura, kobza. Козак – kozák. Козаковать – kozakovat. Козацкий – kozácký. Кораблик (головной убор) – karkulka. Коровай – pecen. Кунтуш – kanduš. Кутья – kaše. Макогон – palice. Монисты – korále. Нагайка – nahajka. Оселедец – čupřina. Очипок – čерес. Рушник – šatek. Свитка – kazajka, šerka, kabát. Синдячка – stužka. Сопилка – píštala. Хата – chalupa.

	Хутор – hnízdo. Червонцы – dukáty. Чуб – račes. Шинок – hospoda; šenkovna. Шишка – koláč. Яга – Jaga.
Фразеологические единицы (16 ед.)	Залить свое горе – ulít svůj žal. Избушка на курьих ножках – chaloupka na kuřích nožkách. Красная девушка – hezké děvče. Насилу ноги унёс – tak tak že vyvázl se zdravou kůží. Ни аза – neroznají ani a. Горючие слезы – horké slzy. Подпускать турусы – sázet růžičky. Провозить попа в решете – že svést popa v řešetě. Рассыпались перед ними мелким бесом – obletoval, jak jim podkuřovali. Словно павы – jako labutě. Такой-сякой намазанный – takový a makový, medový a maslový. Узнали, что это за птица – věděli už, co je to zač. Унес ноги бог знает куда – že by se radši viděl někde za horama. Хоть святых выноси – to je hotově boží dopuštění. Царство ему небесное – dej mů

	Pánbůh věčnou slávu. Щука хвостом лед расколотила – štika ocasem roztloukla led.
Имена собственные (6 ед.)	Басаврюк – Basavřjuk. Ивана Купала – Svatý Jan. Ивась – Ivas. Петр Безродный – Petr Bezrodný. Пидорка – Pidorka. Терентий Корж – Terentij Báč.
Обращения (1 ед.)	Панич – panáček.
Субстандартная и разговорная лексика (58 ед.)	Балагур (разг.) – brebta (экспр., неодобр.). Барышник (устар.) – handlíř (простореч.). Братья (братия) (разг., фам., устар.) – našinec nuzák. Быль (устар.; разг.) – příběh ze starých časů. В боки (простореч., ирон.) – v bok. В сердцах (разг.) – rozzlobeně. Вкинуть (в значении добавить что-то в разговор, в рассказ) – vráľiti (экспр.). Вокруг не шелохнёт (обл.) – kolem ani hlásku. Восвояси (разг., ирон.) – domů. Выпучить глаза (простореч.) – vyvalit oči (разг.). Голубки (разг.) – holoubky.

	Голь (разг., фам., устар.) – отсутствует в чешском переводе. Гульничать (простореч., неодобр.) – chodít flámovat (простореч., неодобр.). Гуляка (бран., разг., сниж.) – svatebčan. Даром, что (разг.) – marně. Девка (устар., простореч.) – děvče. Дуреть (простореч.) – vyvádět (экспр.). Дурнота – в чешском варианте опущено. Дьявольская рожа (простореч.) – huba (груб.) d'ábelská. Ералаш (разг., фам.) – mela (экспр., простореч.). Захолонуло (обл.) – dech zatajil. Зашептывать (разг., сниж.) – zaříkávati. Знахари (обл.) – в чешском варианте опущено. Калякать (простореч., фам.) – klábosit (экспр.). Кручина (нар., поэт.) – soužení. Крылос (простореч.) – kůr. Куды! (обл., простореч.) – ale kderak! (экспр.). Мало-помалу (разг.) – ale po chvíli se

	romaličku (экспр.). Мешкать (разг.) – otálet; подбочениться (разг.) – oprít se ruce v bok. Насилу (разг.) – konečně; яр – strž. Невидальщина (разг., устар.) – nevidaná (разг., ирон.). Недвижно (разг. сниж.) – strnule. Нынешний (разг.) – dnešní; жид (презрен.) – žid (нейтр.). Остолбенеть (разг., по Ушакову, а по Ожегову – нейтр.) – strnouti (разг.). Переполох (в значении испуг) (диалект) – uhranutí (разг., нар.). Писака (разг., презр.) – písař. Покамест (простореч.) – dokud. Полоумный (разг.) – šílenec. Понес (разг.) небывальщину (разг.) – toho narovídal. Примеркать – smrákati se. Прямёхонько – rovnou cestou. Раздобаривать (южн.) – povídati se. Разнежиться (разг., ирон.) – hned být naměkko (перен., экспр.). Разуметь (устар., разг.) – vyznati se («грамоту разумею» – «čtení vuznám»). Сапоги – čížmy (диал.). Свадьба – veselka (простореч.).

	Сдуру (простореч.) – na potvoru (простореч.). Сени (устар., обл.) – síni (устар. и нар.). Сивуха (простореч.) – kořalka. Скотина (разг.) – dobytek. Сорвиголова (разг.) – třeštídlo (экспр.). Спал... без просыпу (разг., сниж.) – tvrdě spal (перен.). Старичина (разг., фам.) – dědouš (экспр.). Старый хрен (груб., простореч.) – dědka (как правило, неодобр.). Страх заберет (перен. разг.) – nahnalo (простореч.) strachu. Сызнова (простореч.) – podruhé. Штуки (разг., фам.) (в значении выходки) – kejkle. Эдакое (простореч.) – taková.
Иноязычные вкрапления (3 ед.)	«Бреше, сучий москаль» – «Vždyt on lže, ten nezdoba». Москаля везть – co si dělá s huby holínku. «Що то вже, як у кого черт-ма клепки в голови» – «Asi má chlap o kolečko víc».

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. КЛАССИФИКАЦИЯ СЛОВ-РЕАЛИЙ,
ПРЕДЛОЖЕННАЯ С. ВЛАХОВЫМ И С. ФЛОРИНЫМ

А. Географические реалии

1. Названия объектов физической географии, в том числе и метеорологии: *степь, прерия, пампа...*

2. Названия географических объектов, связанных с человеческой деятельностью: *польдер, крига, язовир...*

3. Названия эндемиков: *киви, снежный человек...*

Б. Этнографические реалии

1. Быт:

а) пища, напитки и т. п.: *щи, чебуреки, баница...; мате, кумыс, эль...;*
бытовые заведения (общественного питания и др.): *чайхана, таверна, пирожковая...*

б) Одежда (включая обувь, головные уборы и пр.): *кимоно, сари, тога...;* украшения, уборы: *кокошник, фибула, пафты...*

в) Жилье, мебель, посуда и др. утварь: *изба, хата, юрта...; горница, девичья, буржуйка (печка); ракла, софра; гювеч, чапура, бомбилья; кубышка, куманец, стомна.*

г) Транспорт (средства и «водители»): *рикша, паланкин, тройка...*

д) Другие: *саквы, махорка, ароматные палочки...*

2. Труд:

а) Люди труда: *передовик, ударник, бригадир...*

б) Орудия труда: *кетмень, мачете, бумеранг...*

в) Организация труда (включая хозяйство и т.п.): *колхоз, ранчо, бригада...*

3. Искусство и культура:

а) Музыка и танцы: *казачок, гопак, лезгинка...*

б) Музыкальные инструменты и др.: *балалайка, банджо, гусли...*

в) Фольклор: *сага, былина, руна, частушки; витязь, богатырь, батыр...*

г) Театр: *кабуки, но, комедиа дель арте...*

д) Другие искусства и предметы искусств: *икэбана, сино, маконда...*

е) Исполнители: *миннезингер, трубадур, менестрель, скальд, кобзарь, бард; скоморох, гейша, гетера...*

ж) Обычаи, ритуалы: *коляда, церемония тя,но,ю (чайная церемония); ряженые, тамада; заговезни, масленица, рамазан.*

з) Праздники, игры: *Первомай, День Победы, холим пасха, коледа, День благодарения, лапта...*

и) Мифология: *леший, Дед Мороз, тролль, валькирия, гурия, вурдалак, эльф, гном, Баба Яга, песочный человечек, вервольф, ковер,самолет, жар,птица...*

к) Культы — служители и последователи: *лама, ходжа, ксендз, аббат...; культовые здания и предметы: мечеть, пагода, костел, синагога, скит; распятие...*

л) Календарь: *вайшак, саратан; вересень, червень, бабье лето.*

4. Этнические объекты:

а) Этнонимы: *апах, банту, гуцул, кафр, копт...*

б) Клички (обычно шуточные или обидные): *кацап, хохол, кокни...*

в) Названия лиц по месту жительства: *тарасконец, габровец, абердинец...*

5. Меры и деньги:

а) Единицы мер: *аршин, фут, сажень, ярд, ли; пуд, ока, чи...*

б) Денежные единицы: *лев, стотинка, рубль, копейка, лира...*

в) Просторечные названия тех и других: *осьмуха, сотка юзче, четвертинка, четвертная, половинка...*

В. Общественно-политические реалии

1. Административно-территориальное устройство:

а) Административно-территориальные единицы: *губерния, область, департамент, графство...*

б) Населенные пункты: *аул, станица, махала, хутор...*

в) Детали населенного пункта: *аррондисман, сук, медина...*

2. Органы и носители власти:

а) Органы власти: *Народное собрание, Великий народный хурал, стортинг...*

б) Носители власти: *канцлер, хан, царь...*

3. Общественно-политическая жизнь:

а) Политическая деятельность и деятели: *большевики, эсдеки, троцкисты...*

б) Патриотические и общественные движения (и их деятели): *партизаны, гезы, хайдуты...*

в) Социальные явления и движения (и их представители): *прогибишин, наблисити, бизнес...; нэп, нэпман...; стилияга, петитерос, суинг, хиппи...*

г) Звания, степени, титулы, обращения: *бакалавр, заслуженный деятель культуры...; князь, принц, граф, барон, герцог, лорд; столбовой дворянин, статский советник; мистер, сэра, сир, мадам, барышня, фрекен, герр, масса; попечитель, бидл, уип.*

д) Учреждения: *облоно, наркомпрос, загс; торгпредство, комитет искусства и культуры...*

е) Учебные заведения и культурные учреждения: *десятилетка, изба-читальня, колледж...*

ж) Сословия и касты (и их члены): *дворянство, мещанство, купечество; юнкерство, третье сословие, джентри; гранд, юнкер, дворянин; варна, брахман, кшатрия, вайшия, шудра, пария, или неприкасаемый; самурай; барин, мужик, феллах.*

з) Сословные знаки и символы: *красное знамя, пятиконечная звезда, белая лилия (fleur de lis); полумесяц, свастика, конский хвост; данеброг, юньон джсек.*

4. Военные реалии:

а) Подразделения: *легион, чета, фаланга, табор, сотня, орда, легия, когорта.*

б) Оружие: *арбалет, аркебуза, мушкет, ятаган, катюша...*

в) Обмундирование: *шлем, кольчуга, кивер, ментик, темляк, гимнастерка, китель, бушлат, чекмень.*

г) Военнослужащие (и командиры): *атаман, есаул, сотник, десятник...*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Český národní korpus [Электронный ресурс] URL: <https://www.korpus.cz> (26.11.2016).
2. N.V. Gogol. Večery na samotě u Dikaňky. Praha: Mladá fronta, 1972. S. 41-54.
3. S. Okhnal. Русский и чешский менталитеты – проблемы межкультурного общения: bakalářská práce. Brno, 2016. 44 s.
4. V. Zeykan. Porovnání mentality Rusů a Čechů: bakalářská práce. Plzeň, 2013. 42 s.
5. Антология концептов [Электронный ресурс] / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. в. 8 т. Волгоград: Парадигма. URL: <http://lincon.narod.ru/antology.htm> (17.05. 2017).
6. Арсентьева Е.Ф. Национально-культурная специфика фразеологических единиц // III Международные Бодуэновские чтения: И.А.Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23-25 мая 2006 г.): труды и материалы: в 2 т. / Казан. гос. ун-т; под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. Т.2. С. 122–124.
7. Бельчиков Ю.А. О культурном коннотативном компоненте лексики // Язык: система и функционирование: сб. науч. тр. М.: Наука, 1988. С. 30–35.
8. Белякова С.М. Инвективы в чешском тексте: к проблеме перевода // Славянские языки и культуры в современном мире: III Международный научный симпозиум: Труды и материалы. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 23–26 мая 2016 г. Москва, 2016. С. 475–477.
9. Бирих А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 926 с.

10. Большакова Е.С. Опыт формирования навыков лингвострановедческого чтения художественных текстов у студентов-нефилологов // Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Ю.Т. Листровой-Правды. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1994. С. 135–143.
11. Брагина А.А. Лексика языка и культуры страны в лингвострановедческом аспекте. М.: Русский язык, 1981. 176 с.
12. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.
13. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы / под редакцией и с послесловием академика Ю.С. Степанова. М.: «Индрик», 2005. 1040 с.
14. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
15. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: избр. тр., М.: Наука, 1977. 312 с.
16. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во ин-та общ. средн. образования РАО, 2001. 224 с.
17. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 343 с.
18. Волков С.С. Принципы изъяснения русских слов-реалий в лингвострановедческом комментарии // Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Ю.Т. Листровой-Правды. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1994. С. 76–83.
19. Глушак Д. Лексемы и фразеологические обороты со значением 'умереть', 'умирать' в современном русском языке. Люблин: Мова і культура, 2012. Т.3, вып. 15. С. 150–153.

20. Гоголь Н.В. Вечер накануне Ивана Купала: соч. 2 т. М.: Художественная литература, 1971. Т.1. С. 38–52.
21. Демьянович Н.И. Особенности функционирования компонента *глаза* во фразеологизмах русского, чешского и словацкого языков (сопоставительный анализ) [Электронный ресурс] // Грани познания: электрон. научно-образоват. журнал ВГПУ. Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. соц.-пед. ун-та, 2010. №5 (10). URL: www.grani.vspu.ru (17.05.2017).
22. Денисов В.Д. «Философия имени» в гоголевской прозе 1831 года // Русская речь. М.: Наука, 2008. №6. С. 12–19.
23. Добровольский Д.О. Образная составляющая в семантике идиом [Электронный ресурс] // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1996. №4. С. 71–94. URL: <http://www.issuesinlinguistics.ru/pubs/образная-составляющая-в-семантике-идиом> (17.05.2017).
24. Жуков В.П., Жуков А.В. Русская фразеология: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2006. 310 с.
25. Залалдинова А.А., Арсентьева Е.Ф. Фразеологические единицы английского, русского и немецкого языков с национально-культурным компонентом // Филология и культура. Philology and culture, 2012. №2 (28). С. 178–181.
26. Иванова Л.И. Страноведческий фон русского прилагательного *красный* // Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Ю.Т. Листровой-Правды. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1994. С. 4–11.
27. Игнатьева Н.Д. Фразеологическая межъязыковая омонимия как источник интерференции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания, 2016. Вып. 2. С. 22–27.
28. Каган М.С. Философия культуры: учеб. пособие. СПб.: Петрополис, 1996. 415 с.

29. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
30. Кириллова И.В. Национально-культурная специфика реализации концептов «ум» и «глупость» в русской и чешской фразеологии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2012. №5 (3). С. 46–39.
31. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии // Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. 190 с.
32. Копылова В.Е. Фразеология русского языка как отражение языковой картины мира // Лингвокультурология. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 2010. Вып. 4. С. 89–93.
33. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
34. Кохан Н.А. К вопросу о перспективе динамики национально-культурного компонента // Актуальные проблемы современной науки: труды 3-го Международного форума. Серия: Иностранные языки. Самара: Самарский гос. техн. ун-т, 2007. Ч. 37. С. 34–38.
35. Кравцов С. Отражение во фразеологии менталитета и жизни русского и французского народов [Электронный ресурс] // Revue Russe. 2004. №24. URL: http://www.persee.fr/doc/russe_1161-0557_2004_num_24_1_2204 (18.05.2017).
36. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
37. Крючкова Л.С., Мощинская Н.В. Практическая методика обучения русскому как иностранному: учеб. пособие для начинающего преподавателя, для студентов-филологов и лингвистов, специализирующихся по РКИ. М.: Флинта. Наука, 2009. 480 с.
38. Левый И. Искусство перевода: пер. с чеш. Вл. Россельс. М.: Прогресс, 1974. 397 с.

39. Листрова-Правда Ю.Т., Ломов А.М. Лингвострановедение сегодня // Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Ю.Т. Листровой-Правды. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1994. С. 3–4.
40. Маркова Е.М. Лексиконы современных славянских языков: сходства и различия // Филология и культура. Казань: Изд-во Казанского (приволжского) фед. ун-та, 2015. №4 (42). С. 98–105.
41. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. М.: Наследие, 1997. с. 207.
42. Маслова В.А. Лингвокультурология [Электронный ресурс]: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издат. центр «Академия», 2001. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/maslova/index.php (18.05.2017).
43. Меркулова И.А. Проблемы сопоставительного изучения лексики славянских языков // Вестник ВГУ: лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2014. №1. С. 99–106.
44. Н.В. Гоголь и славянские литературы: тезисы международной научной конференции: 10–11 ноября 2009 г. / отв. ред. Л. Н. Будагова. М.: ИСЛ РАН, 2009. 100 с.
45. Олейникова О.Н. Иноязычные вкрапления в произведениях М.А. Булгакова в лингвострановедческом аспекте // Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Ю.Т. Листровой-Правды. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1994. С. 50–57.
46. Павлова Н.И. Элементы лингвострановедения при изучении фразеологизмов и афоризмов в немецкой аудитории // Лингвострановедение в преподавании русского языка как

- иностранный: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Ю.Т. Листровой-Правды. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1994. С. 57-68.
47. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальное сознание. 3-е изд., перераб. и доп. Воронеж: «Истоки», 2007. 61 с.
48. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 613 с.
49. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / дополнения и комментарии Д.И. Ермоловича. 3-е изд., стереотип. М.: «Р.Валент», 2007. 244 с.
50. Сайко А.Ф. Роль лингвострановедения в развитии мышления иностранных учащихся при обучении их русскому языку // Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Ю.Т. Листровой-Правды. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1994. С. 116–125.
51. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. 135 с.
52. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2001. 990 с.
53. Стернин И.А., Розенфельд М.Я. Слово и образ. Монография / под ред. И.А. Стернина. Воронеж: «Истоки», 2008. 243 с.
54. Телия В.Н. Русская фразеология: семантические, прагматические и лингвокультурные аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 285 с.
55. Ткаченко Н.Г. К вопросу о русской фразеологии (лингвистический и методический аспекты) // Язык, сознание, коммуникация: сб. науч. ст., посвященный памяти Галины Ивановны Рожковой / ред. Л.П. Клобукова, В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Диалог-МГУ, 1998. Вып. 6. С. 60-69.
56. Тот Юдит. Лексикографические возможности передачи безэквивалентной лексики // Лингвострановедение в преподавании

- русского языка как иностранного: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Ю.Т. Листровой-Правды. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1994. С. 83–88.
57. Труфанова Л.А. Национально-культурная специфика фразеологизмов (на материале фразеологических единиц неантропоцентрической направленности в английском и русском языках) [Электронный ресурс] URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0ahUKEwjswtfmxvnTAhXBJJoKHWLTCzIQFggnMAA&url=http%3A%2F%2Fcyberleninka.ru%2Farticle%2Fn%2Fnatsionalno-kulturnaya-spetsifika-frazeologizmov-na-materiale-frazeologicheskikh-edinit-neantropotsentricheskoy-napravlennosti-v.pdf&usg=AFQjCNGfFz7yPzHMf1S9FII5zGbLQ7JaYA&sig2=7H_U3loV9u2n6ATWONDS1w&cad=rjt (18.05.2017).
58. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1968. 396 с.
59. Фролова О.Е. О специфике культуроведческих знаний и умений преподавателя русского языка как иностранного при работе с художественным текстом в аудитории иностранных студентов-филологов // Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Ю.Т. Листровой-Правды. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1994. С. 143–148.
60. Хилько. Е.П. К вопросу о культурном компоненте значения лексических единиц в контексте диалога культур // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2010. Вып. 2. С. 78–84.
61. Чикина Е.Е. Выявление национально-культурной специфики фразеологизмов: современные подходы [Электронный ресурс] // Междунар. научно-практич. (электронный) журнал «INTER-CULTUR@L-NET», 2004. №3. URL: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/127/> (18.05.2017).

62. Шабанова А.Б. О национально-культурной семантике фольклорной ономастики // Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Ю.Т. Листровой-Правды. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1994. С. 68–76.
63. Шадрин Н.Л. Перевод фразеологических единиц и сопоставительная стилистика / под ред. Ю.М. Скребнева. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991. 218 с.
64. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. СПб.: Спец. лит., 1996. с. 192.
65. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика (Газетно-информационный и военно-публицистический перевод). М.: Воениздат, 1973. 280 с.
66. Ядловский Т. Перевод фразеологизмов в рамках семантического поля (на материале русского и чешского языков) // Веснік БДУ. Серія 4. 2006. № 1. С. 84–88.
67. Яранцев Р.И. Русская фразеология: словарь-справочник. М.: Русский язык, 1985. 304 с.

Словари

68. Andrzej Świerczyński, Dobrosława Świerczyńska. Slovník přísloví v devíti jazycích. Praha: Universum, 2008. 304 s.
69. Česko-ruský mluvník. Brno: Lingea s.r.o, 2008. 412 s.
70. Příruční slovník jazyka českého [Электронный ресурс] URL: <http://bara.ujc.cas.cz/psjc/search.php> (26.11.2016).
71. Rusko-česká slovníková database [Электронный ресурс] URL: <http://slovník.slu.cas.cz/slovník/main/Main.html> (26.11.2016).
72. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/bse/> (26.11.2016).
73. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc3p/> (26.11.2016).

74. Веди́на Т.Ф. Энциклопедия русских фамилий. Тайны происхождения и значения. М.: Астрель: АСТ, 2008. 105 с.
75. Копецкий Л.В. Чешско-русский словарь: в 2 т. М.: Гос. пед. изд-во, 1976. Т.1. 580 с.
76. Копецкий Л.В. Чешско-русский словарь: в 2 т. М.: Гос. пед. изд-во, 1976. Т.2. 863 с.
77. Славянская мифология: энциклопедический словарь / редколлегия: С.М. Толстая (отв. ред.), Т.А. Агапкина, О.В. Белова, Л.Н. Виноградова, В.Я. Петрухин; Ин-т славяноведения РАН. 2-е изд. М.: Междунар. отношения, 2002. 512 с.
78. Словарь забытых и трудных слов из произведений русской литературы XVIII–XIX веков [Электронный ресурс] URL: http://difficult_words_ru.academic.ru/ (26.11.2016).
79. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка Павленкова [Электронный ресурс] URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwwords/ (26.11.2016).
80. Современная энциклопедия [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc1p/> (26.11.2016).
81. Современный толковый словарь русского языка Ефремовой [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/> (26.11.2016).
82. Толковый словарь Даля [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc2p/> (26.11.2016).
83. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/> (26.11.2016).
84. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (26.11.2016).
85. Фразеологизмы в русской речи: словарь-справочник / сост. Н. В. Баско. М.: Флинта-Наука, 2002. 273 с.

86. Фразеологический словарь русского литературного языка / А.И. Федоров. 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.
87. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. 7-е изд., испр. М.: АСТ; Астрель, 2006. 512 с.
88. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 3-е изд. М.: Русский язык, 1999. Т.1. 624 с.
89. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 3-е изд. М.: Русский язык, 1999. Т.2. 560 с.
90. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс] URL: <http://etymological.academic.ru> (26.11.2016).
91. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [Электронный ресурс] URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/brokgauz_efron/ (26.11.2016).
92. Этимологический словарь русского языка Макса Фасмера [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/vasmer/> (26.11.2016).
93. Этнографический словарь Ефремовой [Электронный ресурс] URL: http://ethno_ru.academic.ru/ (26.11.2016).